



Generations and
Gender Programme



БЕЛАРУСЬ: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение

Материалы для обсуждения. Предварительные результаты исследования



Министерство труда
и социальной защиты
Республики Беларусь

Проект «Поддержка реализации Национальной программы
демографической безопасности Республики Беларусь»

**БЕЛАРУСЬ: структура семьи,
семейные отношения,
репродуктивное поведение**

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

Предварительные результаты исследования

Авторский коллектив:

Акулова М.Ю.	(магистр экономики, Белорусский экономический исследовательско-образовательный центр, Минск),
Антипова Е.А.	(д-р геогр. наук, Белорусский государственный университет, Минск),
Артеменко Е.К.	(магистр социологии, ЮНИСЕФ, Минск),
Белов А.А.	(магистр социологии, Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, Минск),
Бородачева Е.М.	(Институт социологии НАН Беларуси, Минск),
Бурлуцкая М.Г.	(канд. социол. наук, Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург),
Дмитриева О.Е.	(Белорусский государственный университет, Минск),
Елсукова Н.А.	(канд. социол. наук, Белорусский государственный университет, Минск),
Ефимова Н.В.	(канд. филос. наук, Белорусский государственный университет, Минск),
Капустин С.А.	(магистр социологии, НИИ труда Министерства труда и социальной защиты, Минск),
Купчинова Т.В.	(канд. социол. наук, Белорусский государственный университет, Минск),
Кириллова А.В.	(магистр социологии, Белорусский государственный университет, Минск),
Комаровский А.В.	(канд. социол. наук, Могилев),
Кройтор С.Н.	(канд. социол. наук, Институт социологии НАН Беларуси, Минск),
Лапето А.О.	(магистр социологии, Белорусский государственный университет, Минск),
Мадрас Д.М.	(Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск),
Мазоль О.И.	(магистр экономики, Белорусский экономический исследовательско-образовательный центр, Минск),
Макаревич Е.Е.	(канд. эконом. наук, Белорусский государственный экономический университет, Минск),
Назаренко Ю.С.	(канд. социол. наук, Могилев),
Пинязик В.Н.	(канд. эконом. наук, НИИ труда Министерства труда и социальной защиты),
Сосновская Н.А.	(Институт социологии НАН Беларуси, Минск),
Терещенко О.В.	(канд. социол. наук, Белорусский государственный университет, Минск),
Шавердо Т.М.	(Главный информационно-аналитический центр Министерства образования, Минск),
Шухатович В.Р.	(канд. социол. наук, Институт социологии НАН Беларуси),
Щавелева М.В.	(канд. мед. наук, Белорусская медицинская академия последипломного образования, Минск),
Юодешко В.И.	(исследователь в области экономических наук, НИИ труда Министерства труда и социальной защиты, Минск),
Яковлева Н.И.	(исследователь в области социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, Минск)

Научная редакция:

канд. социол. наук О.В. Терещенко (Белорусский государственный университет, Минск) – редактор
д-р Т. Кучера (Карлов университет, Прага)

Рецензент: Т. Эмери, Нидерландский институт междисциплинарных демографических исследований

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ПЕРЕХОД К ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ	6
2. БРАЧНО-ПАРТНЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	8
3. РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ	12
4. РОДИТЕЛИ И ДЕТИ	18
5. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ	22
6. ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ: СЕМЬЯ И РАБОТА	26
7. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ	30
8. ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	34

ВВЕДЕНИЕ

Участвуя в программе «Поколения и гендер» (Generations and Gender Programme – GGP), Беларусь присоединяется к научно-исследовательскому сообществу, деятельность которого направлена на глубокое изучение динамики демографических процессов.

Основа программы – лонгитюдное социологическое исследование «Поколения и гендер» (GGS – Generations & Gender Survey). Лонгитюдное исследование отличается от обычных социологических опросов тем, что одну и ту же выборку респондентов опрашивают несколько раз через определенные промежутки времени, и фиксируют изменения, произошедшие за это время в жизни респондентов. Как правило, лонгитюдные исследования носят биографический характер, и именно это делает их эффективным инструментом анализа происходящих демографических процессов. Уникальность проекта «Поколения и гендер» заключается в том, что он охватывает все возрастные группы в возрасте от 18 до 79 лет, и благодаря этому позволяет получить информацию о демографических событиях, происходивших в жизни нескольких поколений респондентов в период со второй половины 1950-х гг. до настоящего времени. Это делает исследование необычайно трудоемким и дорогостоящим, его выборка составила на первом этапе (в 2017 г.) 10 000 человек.

На протяжении последних десятилетий исследователи в разных странах использовали данные опросов, проведенных по методологии GGP, для выявления факторов, определяющих динамику жизненного цикла семьи (партнерские отношения, переход к взрослой жизни, рождаемость, услуги ухода и поддержки, разделение домашних обязанностей, контрацепция и др.)¹. Эти данные являются важным ресурсом для понимания фундаментальных социальных вызовов и для разработки научно-обоснованной демографической политики.

Анализ данных, полученных в лонгитюдном проекте «Поколения и гендер», осуществляется, главным образом, методами когортного анализа и анализа жизненных путей. Их применение возможно благодаря ретроспективному опросу большого количества респондентов, которые ответили на подробные вопросы о своей семье – родителях, супругах и партнерах, рожденных и потерянных детях, род-

ственников и друзьях, с которыми их связывают не только родственные отношения, но также дружба и взаимопомощь. Респонденты также ответили на вопросы о своих планах на ближайшие три года, связанных с заключением/расторжением браков, рождением (еще одного) ребенка, сменой работы и др. Осуществлены ли эти планы, и что повлияло на произошедшие в жизни за эти три года изменения, мы узнаем, только проведя повторный опрос тех же людей в 2020–2021 гг.

Чтобы узнать, как и с какой скоростью протекали демографические процессы в разные периоды времени, аналитики делят респондентов, в зависимости от изучаемых проблем, на 5- или 10-летние когорты по году рождения или возрасту, и сравнивают их ответы между собой. Когортный анализ позволяет, например, узнать, в каком возрасте покидали родительский дом молодые люди, родившиеся в 1940–1949 гг., и в каком возрасте это делали те, кто родился на 30 лет позднее; был ли связан уход от родителей с получением образования или работы в другом городе, или с началом сексуальной жизни, и др.

Анализ жизненных путей предназначен для изучения последовательности и возраста наступления важных событий, имеющих демографическое значение, в жизни возрастных когорт. К таким событиям относятся завершение образования; получение первой и последующих работ; возникновение отношений, начало совместного проживания, заключение и расторжение браков; рождение и усыновление детей; переезды; выход на пенсию и др. События жизненного пути фиксируются, на основе ответов респондента на соответствующие вопросы, вместе с датами, когда они произошли. Что позволяет вычислять возраст респондента в момент их наступления, а также длительность периодов времени между двумя любыми событиями, например, между рождением ребенка и последующим заключением брака.

В данной работе представлены первые результаты анализа огромного массива данных, собранного сотрудниками Института социологических и политических исследований БГУ в 2017 г., и проанализированного белорусскими социологами, демографами, экономистами, специалистами по труду и социальной защите, медицинскими работниками.

¹ Список публикаций с использованием данных GGS доступен по ссылке <http://www.ggp-i.org/form/publications/>.

Эти результаты представлены в пяти тематических разделах. В первом разделе «Переход к взрослой жизни» рассматриваются такие жизненные события, как завершение образования; начало первой работы; отделение от родителей и обретение собственного жилья; создание партнерского союза, фактического и/или зарегистрированного брака; рождение первого ребенка. Во втором разделе «Брачно-партнерские отношения» рассмотрены процессы перехода разных поколений во взрослую жизнь; современные модели формирования брачно-партнерских союзов, отношения в них и распределение ролей и обязанностей; формы и последствия их распада. В разделе «Репродуктивное поведение и репродуктивные установки» представлены изменения, произошедшие после Второй мировой войны в календаре деторождений; межпоколенная динамика репродуктивного поведения; факторы формирования репродуктивных установок у населения. Раздел «Родители и дети» включает материалы, в которых проанализированы государственные и частные услуги по воспитанию детей и их использование белорусскими семьями; особенности работы с детьми в неполных семьях и с детьми с инвалидностью. Пятый раздел «Взаимоотношения поколений» содержит данные

о сетях взаимопомощи родственников, помощи в воспитании детей, поддержке взрослыми детьми своих престарелых родителей, межпоколенной образовательной мобильности; нормативных представлениях в повседневной жизни семьи. В шестом разделе рассматриваются позиции респондентов в отношении распределения гендерных ролей в семье и на работе. В седьмом разделе «Качество жизни» рассматриваются профессиональные и образовательные траектории; материальное благосостояние белорусских домохозяйств; взаимосвязь между здоровьем и качеством жизни. Заключительный раздел посвящен перспективным направлениям анализа данных.

Термин «поколение» некоторыми авторами используется как синоним термина «когорта». Когорты в данном издании могут выделяться по критериям возраста или года рождения; причем возраст (если не указано другое) исчисляется в полных годах, как это принято в демографии. Например, возраст ребенка 3–5 лет следует читать как «возраст от 3 до исполнения 6 лет». Для обозначения брачно-партнерских отношений мы используем термины «партнерский союз», не предполагающий совместного проживания и ведения хозяйства; «фактический брак» как совместное проживание без оформления брака по юридическим нормам; и «брак» как зарегистрированный брак.

1. ПЕРЕХОД К ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ

Мужчины 1970–1979 и 1980–1979 г. р. вступают в браки позднее, чем представители старших когорт. У женщин эта тенденция выражена намного слабее.

Усиливается обособление брачного и репродуктивного поведения: рождение первого ребенка откладывается после заключения первого брака в когортах 1970–1979 и 1980–1979 г. р.

Переход к взрослой самостоятельной жизни включает такие события как завершение образования; начало первой работы; отделение от родителей и обретение собственного жилья; создание партнерского союза, фактического и/или зарегистрированного брака; рождение первого ребенка. Эти события наступают в разном возрасте и разной последовательности, некоторые из них могут так и не наступить в жизни конкретного человека.

Влияние второго демографического перехода, а также изменений, происходящих на макро- и мезоуровне, на изменение траекторий жизненного пути изучается в рамках когортного анализа. Для сравнения траекторий на этапе перехода во взрослую жизнь, в качестве показателя используется процент членов когорты, для которых то или иное событие произошло до достижения ими возраста 25 лет. Данные проекта «Поколения и гендер» позволяют осуществить сравнительный анализ 5-ти возрастных когорт, которым на момент исследования исполнилось 25 лет – когорты 1940–1949, 1950–1959, 1960–1969, 1970–1979, 1980–1989 годов рождения.

На рис. 1.1 можно видеть, что к 25 годам 85–90 % мужчин во всех когортах, кроме самой старшей (1940–1949 г. р.), закончили образование, и не менее 60 % отделились от своих родителей. Однако собственные семьи более молодые когорты создают позднее: в когорте 1980–1989 г. р. в фактическом браке состоят 48 % мужчин, в том числе в зарегистрированном браке – менее 38 %, первенцы родились у 27 % мужчин.

Рис. 1.2 показывает, что при аналогичном уровне образования женщины более активно создают семьи в молодом возрасте. Отделение от родителей у них тесно связано с фактическим браком и к 25 годам достигает 70 %. Регистрация браков и рождение первых детей в 2-х самых молодых когортах имеют тенденцию к снижению, но к 25 годам все же не опускаются ниже 50 %.

В целом проявляется тенденция к увеличению временного интервала между вступлением в брак и рождением первого ребенка, проявляющаяся у молодых когорт.

6



Рис. 1.1. Процент мужчин, у которых события жизненного пути произошли до достижения 25-летнего возраста

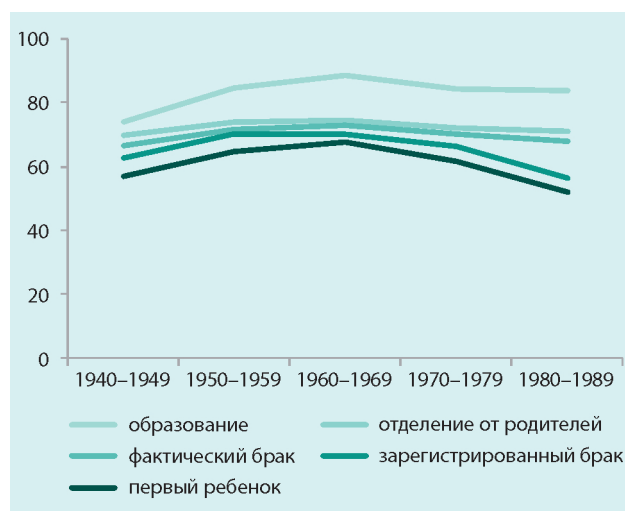


Рис. 1.2. Процент женщин, у которых события жизненного пути произошли до достижения 25-летнего возраста

Для более глубокого анализа этой тенденции мы применили модель пропорциональных рисков, которая позволяет распространить уже совершившееся событие (зачатие первенца) на тех представителей возрастных когорт, у которых оно на момент исследования еще не произошло. График «функций риска» (рис. 1.3) демонстрирует, как по истечении месяцев, прошедших с момента вступления женщины в первый брак (ось X), увеличивается вероятность зачатия первого ребенка (ось Y).

Это происходит в зависимости от длительности пребывания в зарегистрированном браке. При рассмотрении первых 24-х месяцев жизни после заключения брака, отчетливо выделяются 2 группы когорт: 1940–1959 г. р. («авангардная группа» – с более высоким «риском» зачатия ребенка) и 1970–1989 г. р. («арьергардная группа» – с более низким «риском» зачатия).

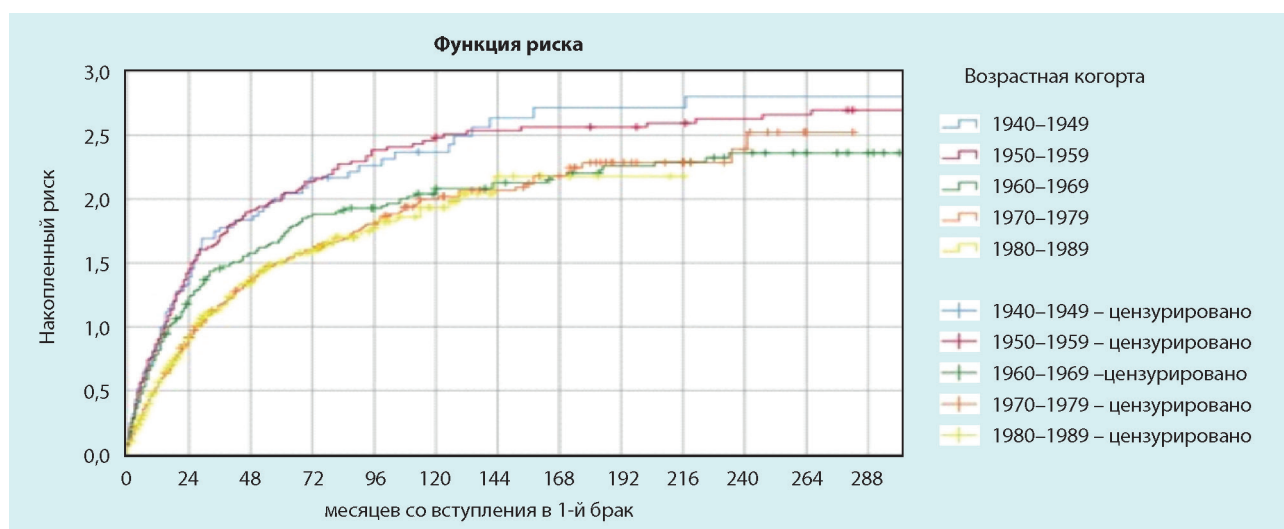


Рис. 1.3. «Функция риска» зачать 1-го ребенка для женщин, вступивших в первый брак

Когорта 1960–1969 г. р. является переходной: часть относящихся к ней женщин стремится зачать ребенка вскоре после вступления в брак, и достигает этого в первые 2 года; оставшиеся откладывают данное событие на более поздний срок, и в своем поведении приближаются к когорте 1970–1989 гг. р.

Таким образом, анализ результатов исследования позволяет обозначить ослабление некогда неразрывных связей брачного и репродуктивного поведения как одну из заметных демографических тенденций.

2. БРАЧНО-ПАРТНЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Трем из четырех зарегистрированных браков предшествует партнерский союз или фактический брак.

Исследование «Поколения и гендер» показало, что в настоящий момент в официально зарегистрированных браках состоят 54,5 % респондентов. Доля респондентов, проживающих с партнером без официальной регистрации, среди всех опрошенных составляет 5,3 %, а среди совместно проживающих партнерств – 8,9 %. Брачная пирамида, построенная по пятилетним когортам, показала многочисленное представительство одиноких в

младших возрастных группах, которое у женщин уменьшается к 30 годам, у мужчин – к 35 годам (рис. 2.1). И если среди мужчин количество одиноких с возрастом продолжает последовательно уменьшаться, то среди женщин после 35 лет наблюдается обратная тенденция. Фактические браки чаще фиксируются среди респондентов до 45 лет. В старших возрастах они встречаются как единичные явления.

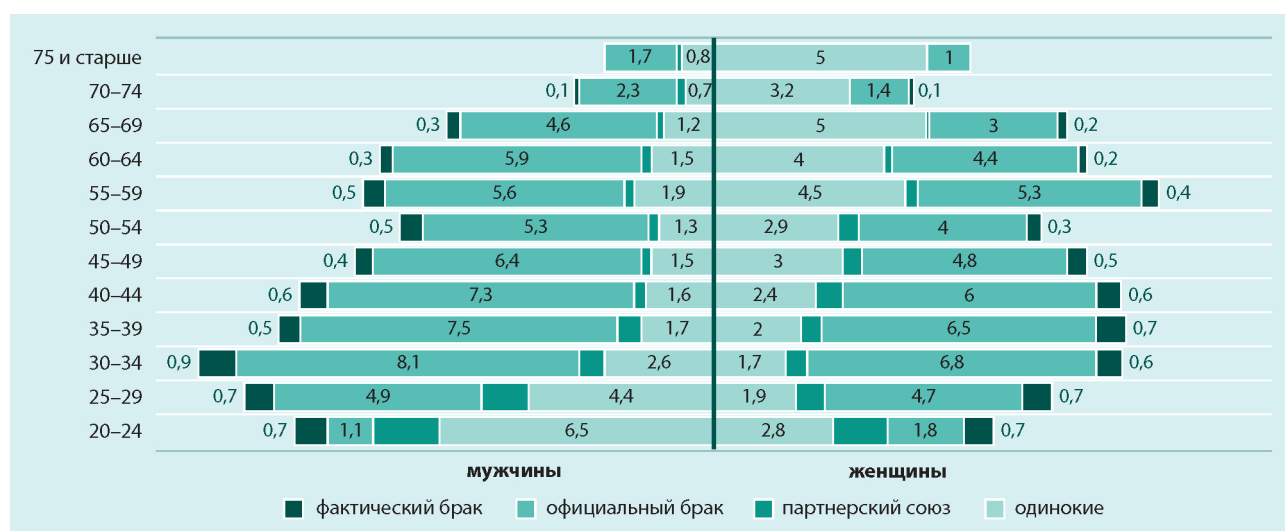


Рис. 2.1 – Распределение респондентов по полу, возрасту и состоянию в браке, % по отношению ко всем респондентам

Особенно активные изменения начали происходить с начала 2000 гг. Если до 1990 г. совместную жизнь без регистрации брака начинала каждая шестая пара (15,4 %), то в 2000 гг. – 43 %. В 2016–2017 гг. в 73 % случаев зарегистрированному браку предшествовал фактический (табл. 2.1).

Таблица 2.1 – Динамика изменений доли предварительных фактических браков в общем объеме зарегистрированных браков, %

	Зарегистрированный брак	Предварительный фактический брак	Всего
до 1990	84,6	15,4	100
1991–1995	73,8	26,2	100
1996–2000	70,9	29,1	100
2001–2005	56,9	43,1	100
2006–2010	48,9	51,1	100
2011–2015	41,9	58,1	100
2016–2017	27	73	100

Длительность фактического брака варьирует от нескольких месяцев до десятков лет, но чаще всего остается в пределах года (54,2 %). Еще 30,6 % пар изменили брачный статус в течении 3-х лет; 15,2 % – имели более продолжительный опыт совместного проживания до официальной регистрации).

Более чем в половине случаев вступление в брак предшествовало появлению ребенка. У 16,9 % опрошенных из числа состоявших в фактическом браке, рождение ребенка произошло за 1–3 года до вступления в брак. Еще у 18,3 % – ребенок родился в период до полугода с момента изменения партнерами брачного статуса. Каждая шестая пара (16,9 %) продемонстрировала высокую степень устойчивости; рождение детей в них происходило значительно раньше, чем они зарегистрировали брак и, очевидно, принятию решения о браке способствовали иные факторы.

Анализ результатов опроса позволил выделить наиболее распространенные среди белорусов типы партнерских отношений, в зависимости от таких характеристик как тип домохозяйства, наличие или отсутствие детей (табл. 2.2).

Таблица 2.2 – Тип взаимоотношений между партнерами, %

Тип взаимоотношений между партнерами	%
Наличие партнера и общих детей, совместное проживание партнеров, без других членов семьи в домохозяйстве	42,9
Нет партнера	34,5
Наличие партнера, отсутствие общих детей, совместное проживание партнеров, без других членов семьи	8,1
Наличие партнера и общих детей, совместное проживание партнеров в домохозяйстве с другими членами семьи	6,8
Наличие партнера, отсутствие общих детей, раздельное проживание партнеров	4,4
Наличие партнера, отсутствие общих детей, совместное проживание партнеров в домохозяйстве с другими членами семьи	1,6

Оценка респондентами степени удовлетворенности своими отношениями в браке либо партнерском союзе оказалась весьма высокой: 64 % респондентов полностью или почти полностью ими удовлетворены (9–10 баллов). В средней степени (7–8 баллов) удовлетворены своими отношениями 28 % респондентов, низкую степень удовлетворенности показали 8 %, в том числе абсолютно не удовлетворены отношениями (0 баллов) только 0,3 %. Высокая удовлетворенность существующими отношениями свидетельствует об их добровольном характере, преимущественном отсутствии вынужденных браков или партнерств.

Обращает на себя внимание то, что более половины (61,8 %) респондентов с низкой степенью удовлетворенности отношениями не имеет мыслей о возможном расставании, и связь между этими по-

казателями, хотя и существует, не является тесной. По мнению авторов, отсутствие тесной связи между неудовлетворенностью отношениями и мыслями о расставании является признаком стабильности партнерских и брачных союзов. Оценка тесноты связи между степенью удовлетворенности актуальными партнерскими отношениями и наличием мыслей о расставании позволила определить как менее стабильные: а) партнерские отношения вне брака по сравнению с браком; б) отношения среди молодых людей, чем среди людей среднего возраста и пожилых.

Изучение гендерных различий в намерении разрыва отношений и принятии решения о разводе позволило сделать вывод о том, что при наличии общих с супругом детей женщины чаще задумываются о расставании и являются инициаторами развода, мужчины, наоборот, стремятся сохранить брак.

Причинами регулярно возникающих разногласий являются: выполнение работы по дому (указали 24 % респондентов); деньги (21 %); вопросы воспитания детей (21 %); проведение досуга (15 %); отношения с друзьями (13 %); отношения с родителями (12 %); вопрос о рождении ребенка (6 %). При этом необходимо понимать, что в обобщенную формулировку наиболее распространенных причин конфликтов респонденты могли вкладывать и болезненные для белорусского общества и семьи асоциальные причины, имеющие опосредованное отношение к алкоголизму, другим видам зависимостей, домашнему насилию, адюльтеру и пр.

Среди способов разрешения разногласий 79 % всех респондентов регулярно выбирают спокойное обсуждение вопроса. Однако 80 % респондентов из имеющих намерение разрыва неудовлетворительных отношений, оживленно спорят или кричат. Таким образом, качество партнерских отношений и их стабильность определяется не только частотой возникающих конфликтов, но и способностью людей к их спокойному обсуждению и разрешению.

В поколениях, которым сейчас 40–60 лет, распался каждый четвертый из заключенных браков. У младших поколений ожидается более высокий показатель разводимости. Овдовение у женщин в 4,5 раза выше, чем у мужчин.

На рис. 2.2 представлено распределение зарегистрированных и фактических браков (партнерских союзов с совместным проживанием) по формам сохранения или распада для различных возрастных когорт.

Наибольшей интенсивностью разводимости отличаются поколения 1968–1977 и 1958–1967 г. р. Доля браков, закончившихся разводом или расставанием, достигает здесь наиболее высоких значений (24 и 25 %).

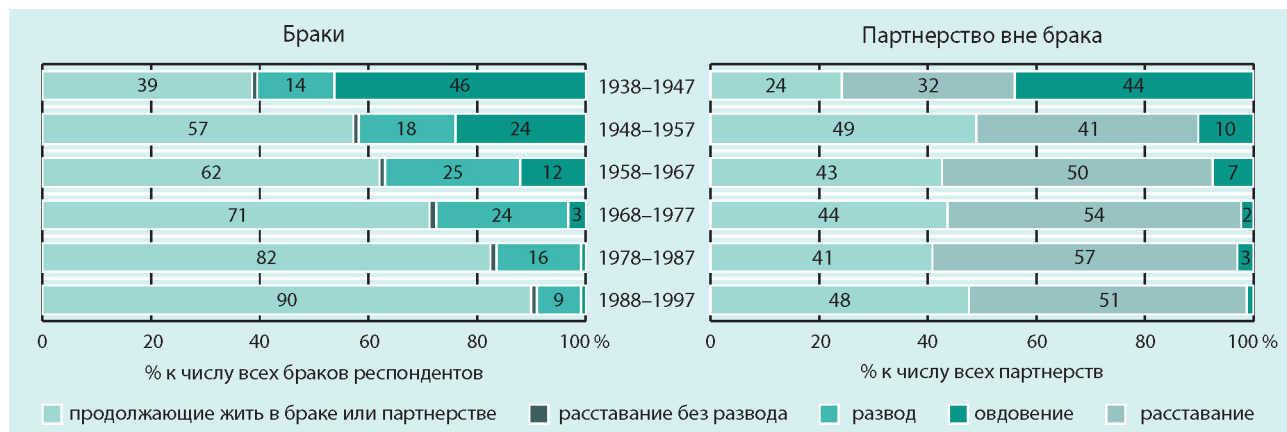


Рис. 2.2 – Формы жизненного цикла зарегистрированных браков или партнерских отношений с совместным проживанием вне брака, имевших место в жизни респондентов, по возрастным когортам, %

Этот показатель нельзя сравнивать с младшими поколениями, так как процесс разводимости продолжается; но очевидно, что его интенсивность в данных поколениях гораздо выше, чем в старших поколениях 1948–1957 и 1938–1947 г. р.

среди сельского населения, чем среди городского; браков по сравнению с внебрачными партнерствами (расставанием закончились 51,7 % всех внебрачных партнерств и только 19,9 % браков). Уровень женского овдовения намного выше мужского, особенно в сельской местности. В среднем партнерские отношения заканчиваются овдовением для женщин в 4,5 раза чаще, чем для мужчин.

Сравнение интенсивности процессов разводимости и овдовения в разных возрастных когортах позволило выявить большую стабильность союзов

В поколениях старше 40 лет мужчины значительно чаще женщин вступали в новые партнерские и брачные отношения после расставания. В поколениях моложе 40 лет наблюдается в этом отношении примерное «равенство полов»

Распределение респондентов по формам новых партнерских отношений после первого расставания позволило выявить поколенческую смену

сложившегося ранее гендерного характера вступления в новые отношения после расставания или развода (рис. 2.3).

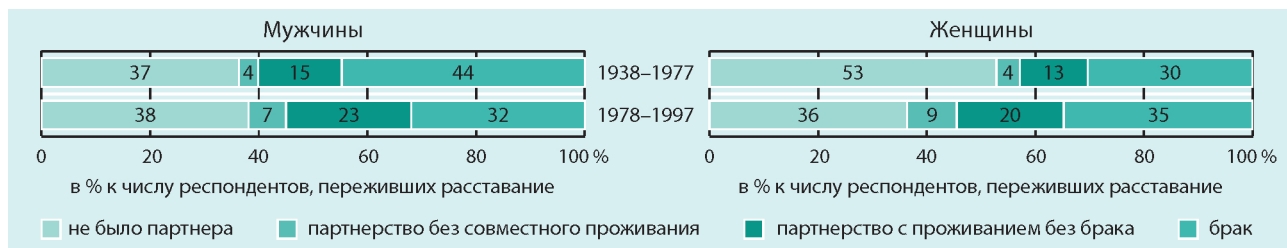


Рис. 2.3. Формы партнерских отношений, имевшие место в жизни респондента к моменту опроса после первого расставания или развода

Если среди респондентов 1938–1977 г. р. (старше 40 лет на момент опроса) мужчины значительно чаще женщин вступали в новые как партнерские, так и брачные отношения после расставания, то среди респондентов 1978–1997 г. р. (младше 40 лет) наблюдается уже примерное равенство полов и даже небольшой женский перевес в создании как браков, так и партнерств в целом.

Хотя расставание или развод по-прежнему является личной драмой для многих людей, не вступающих в дальнейшем в постоянные партнерские отношения, постепенно сглаживаются гендерные различия в вероятности создания новой семьи. Это значит, что традиционное представление о трагической одинокой судьбе разведенной женщины для молодых поколений больше не характерно и уходит в прошлое.

3. РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ

Чем раньше женщина рождает первого ребенка, тем выше вероятность рождения второго и третьего.

Вступление в эпоху поздней рождаемости определяет целесообразность оценки влияния этого демографического явления на результирующие показатели репродуктивного поведения. В результате анализа данных исследования «Поколения и гендер» установлена обратная зависимость между возрастом рождения первого ребенка и уров-

нем итоговой рождаемости у женщин, а именно: в среднем, чем меньше возраст рождения первого ребенка, тем выше вероятность рождения второго и третьего ребенка. Причем данная корреляция носит устойчивый характер и прослеживается во всех возрастных когортах, охваченных в рамках проведенного исследования (табл. 3.1).

Таблица 3.1 – Среднее количество детей в расчете на одну женщину в зависимости от возраста рождения первого ребенка в разных возрастных когортах женщин

Возраст рождения первого ребенка	Возрастные когорты женщин (возраст на момент опроса)					Всего: 30–79 лет
	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70–79 лет	
19 лет и младше	2,11	1,99	2,12	2,54	2,18	2,16
от 20 до 24 лет	1,96	1,78	1,97	2,00	2,16	1,96
от 25 до 29 лет	1,55	1,61	1,63	1,70	1,88	1,65
30 лет и старше	1,31	1,31	1,19	1,33	1,53	1,32

Женщины, родившие первого ребенка до достижения 20 лет, к концу репродуктивного возраста достигают средней рождаемости на уровне около 2,16 ребенка. Среди женщин, родивших первого ребенка в возрасте от 20 до 24 лет, средний уровень рождаемости, в зависимости от когорты, колеблется около границы простого воспроизводства поколений (около 2-х детей на женщину). В случае рождения первого ребенка в возрасте старше 24 лет, средний уровень рождаемости значительно сокращается: для родивших в интервале 25–29 лет он составляет около 1,65 ребенка; для родивших после 30 лет – всего 1,32 ребенка.

Среди значимых факторов смещения календаря рождений в сторону поздней рождаемости следует выделить образование и условия проживания. В результате проведенного анализа установлена прямая зависимость между уровнем образования и возрастом рождения детей и обратная зависимость между уровнем образования и количеством детей. При этом, несмотря на некоторые колебания уровня рождаемости в разных возрастных когортах женщин, различия между образовательными группами носят устойчивый характер. Так, уровень рождаемости у наименее образованных женщин примерно на 7 % выше, чем у женщин со средним специальным образованием, и почти на 30 % превышает уровень, характерный для женщин с высшим образованием.

Механизм влияния высшего образования на рождаемость заключается в повышении возраста рождения первого ребенка, что существенно снижает вероятность рождения второго и последующих детей. При этом значительное отставание интенсивности рождения первых детей у женщин с высшим образованием наблюдается до 23 лет, то есть до того возраста, когда большинство студентов дневной формы обучения покидают вузы. К этому возрасту вероятность иметь хотя бы одного ребенка составляет: для женщин с наименьшим образованием – 70,0 %; со средним специальным образованием – 65,7 %; с высшим образованием – всего 44,7 %. При этом женщины с высшим образованием достигают уровня 70 % только к 28 годам.

Еще одним из наиболее значимых факторов, определяющих возрастную специфику рождаемости в Беларуси, являются условия проживания. При этом необходимо учитывать, что влияние на уровень рождаемости оказывает не сама по себе принадлежность к тому или иному типу поселения, но конкретные особенности среды проживания человека, которые характерны для этих населенных пунктов. Имеющиеся статистические данные, а также результаты проведенного исследования позволяют определить, что одним из основных источников формирования различий уровня рождаемости в разных типах поселений является доступность благоприятных жилищных условий. Так, среднее

количество детей у женщин в возрасте 20–24 года, которые проживают отдельно от родителей и располагают однокомнатным жильем, составляет всего 0,18 ребенка; в случае 2-комнатного жилья – 0,43 ребенка; при наличии 3-х комнат и больше – 0,70 ребенка. В дальнейшем данный уровень различий в целом сохраняется вплоть до выхода из репродуктивного возраста.

Влияние жилищных условий на репродуктивное поведение женщин наиболее значимо проявляются в типичных возрастах рождения 2-го и 3-го ребенка. При этом во всех когортах обеспеченность наилучшими с точки зрения репродуктивной функции условиями характерна для малых населенных пунктов. Так, удельный вес женщин, располагающих отдельным от родителей 3-комнатным жильем, в общей численности женщин от 25 до 29 лет составляет: в крупных городах – 16,8 %; в малых и средних городах – 23,5 %; в сельской местности – 43,0 %. В когорте от 30 до 34 лет удельный вес женщин, располагающих отдельным от родителей 3-комнатным жильем, увеличивается и составляет: в круп-

ных городах – 27,7 %; в малых и средних городах – 29,1 %; в сельской местности – 58,2 %. В когорте от 35 до 39 лет обеспеченность наилучшими условиями (3 комнаты отдельно от родителей) в крупных городах достигает 33,7 %, в малых и средних городах – 38,6 %, в сельской местности – 69,1 %.

Выявленные взаимосвязи между показателями репродуктивного поведения, типом поселения и жилищными условиями приобретают большое практическое значение в контексте продолжающейся тенденции изменения поселенческой структуры в пользу крупных городов за счет внутренней миграции населения. Так, например, по официальным статистическим данным в 1990 году доля сельского населения в общей численности населения страны составляла 33,9 %. К 2016 году доля сельского населения сократилась до 22,3 %. Таким образом, традиционно высокая сельская рождаемость вносит все меньший вклад в общие показатели репродуктивного поведения, что определяет необходимость детального изучения источников сокращения рождаемости в условиях городской среды.

Чем моложе поколение, тем больше доля бездетных и имеющих одного ребенка; и тем меньше доля тех, у кого 3 ребенка и более.
Жизненные стратегии переопределяются, и деторождение уходит из приоритетов, откладывается на более поздний период.

Сравнение репродуктивного поведения 5-ти 10-летних возрастных когорт, самой молодой из которых 30–39 лет, самой старшей – 70–79 лет демонстрирует, как постепенно меняется модель репродуктивного поведения уже в «новые времена», то есть в эпоху свершившегося демографического сдвига (рис. 3.1).

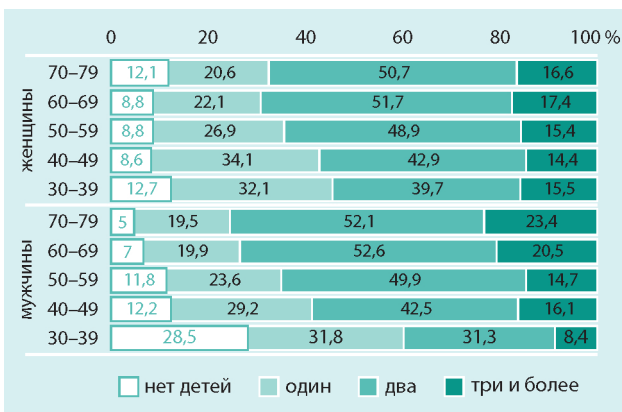


Рис. 3.1. Количество детей в возрастных когортах

Основные тенденции изменения репродуктивного поведения, выявленные при сравнении поколений, следующие.

1. Рост доли малодетных семей: чем моложе поколение, тем больше доля бездетных и имеющих одного ребенка; и тем меньше доля тех, у кого 3 ребенка и больше. Изменения происходят постепенно, от поколения к поколению, но есть момент, когда резко возрастает количество однопородных семей – это 50 лет, граница возрастных когорт 50–59 и 40–49 лет. У женщин различие более заметно, чем у мужчин: 27 % однопородных в когорте 50–59 летних, и уже 34 % у 40–49-летних.
2. Увеличение возраста рождения первого ребенка. Оно носит нелинейный характер: отложенное рождение первого ребенка в старших и младших поколениях, и раннее рождение детей – в возрастных когортах среднего возраста, особенно 50–59-летних. Только у этой возрастной когорты у женщин к 25 годам и у мужчин к 27 годам, в среднем, по одному ребенку уже есть (см. также рис. 1.1 и 1.2).

По сочетанию этих ключевых признаков – времени рождения первого ребенка и общему количеству детей – мы выделили 5 моделей репродуктивного поведения, которые сложились сегодня в Беларуси.

Модель 1, близкая к традиционной, когда первый ребенок появляется у женщин до 25 лет, у мужчин – до 27 лет; детей в семье двое и больше с небольшой разницей в возрасте (14 % населения от 30 до 79 лет; наиболее распространена у средних поколений).

Модель 2 самая распространенная (20 %): дети рождаются с относительно большим промежутком (медианное значение – 4 года). Первый ребенок ранний – до 25 лет у женщин и до 27 лет у мужчин, а второй и последующие – относительно «поздние».

Модель 3 – двухдетная семья с отложенным деторождением (12 %), эта модель свойственна самым старшим возрастным когортам.

Модель 4: раннее рождение одного ребенка (14 %).

Модель 5 – самая современная, сочетает обе тенденции изменения репродуктивного поведения: один, поздний ребенок (13 %). Доля именно этой модели репродукции растет от поколения к поколению и максимальна в младших поколениях.

Межпоколенные изменения репродуктивного поведения происходят в основном под влиянием объективных факторов, изменений условий жизни. Старшие поколения, переходя к модели отложенного, более позднего рождения детей, были репродуктивно активны в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Это – время резкого роста доли высшего образования, и в большей степени – женского образования, а также очередного витка урбанизации, миграции в большие города. Средние поколения, у которых распространен более традиционный тип репродуктивного поведения, рожают детей в 1980-х, во времена так называемого «застоя», в это время процессы мобильности затухают, высшее образование становится более привычным, что по-видимому, не предполагает такого сложного выбора между образованием и рождением ребенка. В 1990-е – 2000-е вновь фиксируется рост мобильности, усиление миграции в крупные города; теперь в большей степени сказывается экономический кризис, а также рост доли высшего образования. Очевидно, в это время жизненные стратегии вновь переопределяются, и деторождение уходит из приоритетов, откладывается на более поздний период, что и приводит к распространению современной модели репродукции в самых младших поколениях.

Наличие зарегистрированного брака с партнером имеет выраженную статистическую связь с намерением женщины родить ребенка.

Сравнивая процент биологических детей респондентов в зависимости от пола и возраста, отмечаем (рис. 3.2), что половина женщин (51,2 %) к 30 годам уже родили хотя бы одного ребенка, к 40 годам этот показатель увеличивается до 86 %, и далее на уровне 91 % сохраняется вплоть до 70 лет. Среди мужчин фиксируется иная закономерность, к 30 годам только четверть мужчин (25,4 %) становятся отцами, к 40 годам доля отцов увеличивается до 71 %, к 60 годам достигает 85,4 % и только к 70 годам мужчины практически сравниваются с женщинами, когда 91 % сообщают, что имеют детей. В старшем возрасте картина меняется в обратную сторону: после 70 лет доля женщин с детьми уменьшается до 86,6 %, в то время как доля мужчин, имеющих детей, наоборот, возрастает до 92,4 %.

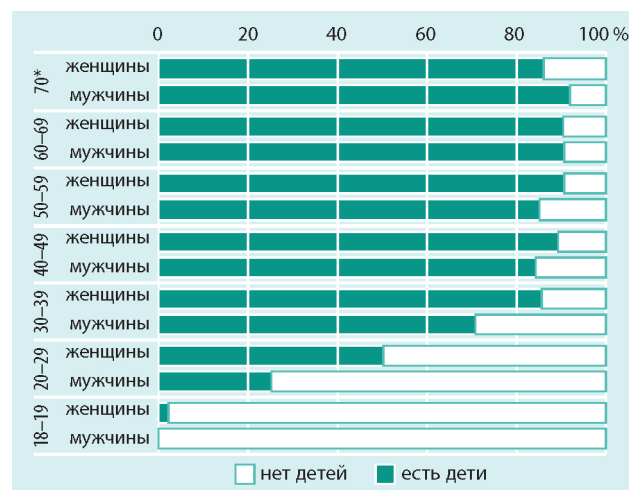


Рис. 3.2. Наличие детей в зависимости от возраста и пола респондента

Рассмотрим репродуктивные намерения женщин детородного возраста в зависимости от возраста и наличия детей (рис. 3.3). Максимальное намерение родить в ближайшие 3 года высказали женщины, не имеющие детей или имеющие одного ребенка, трех возрастных групп: 20–24, 25–29, 30–34 года. Несмотря на то, что верхняя граница репродуктивного возраста определяется 49 годами, начиная с 35 лет, женщины практически не формулируют для себя установку на рождение ребенка, особенно те, кто к этому возрасту имеет хотя бы одного ребенка. Если у женщины уже есть 2 ребенка и более, ее репродуктивные намерения существенно снижаются. Всего в возрастной группе от 20 до 34 лет, независимо от наличия и количества детей, оказалось 1 325 женщин, что составляет 44 % от женщин репродуктивного возраста. В эту цифру не входят беременные женщины, так как вопрос о намерениях им не задавался. Возрастная структура группы такова: 20–24 года – 26,9 %, 25–29 лет – 34,6 %, 30–34 года – 38,5 %. Демографическая структура группы: не имеет детей 36,5 % женщин, имеют одного ребенка – 32,8 %, 2 ребенка и более – 30,6 %.

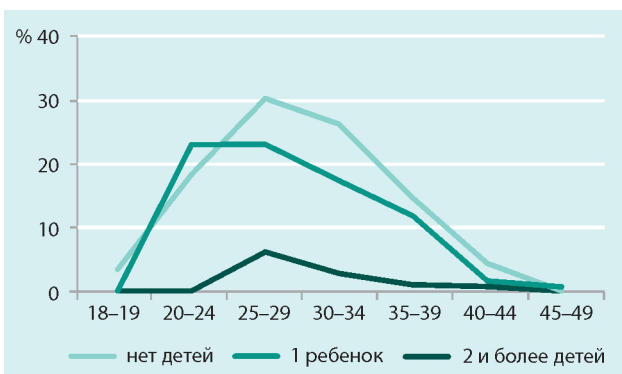


Рис. 3.3. Количество женщин, имеющих твердое намерение родить ребенка в течение ближайших 3-х лет в зависимости от возраста и наличия у них детей, %

Наличие зарегистрированного брака с партнером, имеет выраженную статистическую связь с намерением женщины родить ребенка. Так, 44,4 % женщин в браке и пока не имеющих детей, на вопрос о намерениях родить в ближайшие 3 года, ответили «определенно да», вне брака намерение родить у таких женщин снижается до 27,8 %. При наличии одного ребенка 24,1 % женщин в браке высказывают намерение родить еще одного, вне брака только 8,6 %.

Большинство женщин 3-х возрастных групп 20–24, 25–29 и 30–34 года, имеющих партнера, но не имеющих детей имеют работу (83,1 %) из них 38 % высказывают намерение родить. Наличие одного ребенка меняет ситуацию с занятостью женщины,

доля занятых снижается до 52,8 %, намерение родить среди них высказывают 24,5 %. Домохозяйки/находящиеся в декрете составляют 43 %, из них намерение родить имеют 20,3 % женщин. Если детей двое и более, доля домохозяек/в декрете доходит до 55,6 %, при этом, намерение родить и у домохозяек, и у занятых женщин сходит на нет (3,4 %). Таким образом, можно заключить, что более выраженные намерения в отношении рождения детей имеются у работающих женщин с партнером/мужем без детей и при наличии одного ребенка.

Для женщин без партнеров намерение родить ребенка в ближайшие 3 года колеблется от 0 % для учащихся/студентов, 7,7 % для работающих женщин, до 12,5 % для безработных и 13,6 % для домохозяек/в декрете.

Доля женщин с высшим образованием, с партнером, включая мужа, без детей, которая выражает определенные намерения о рождении ребенка, составляет 42,3 %, 28,8 % женщин со средне-специальным, 27,3 % профессионально-техническим и 20,7 % со средним образованием. В ситуации отсутствия общих биологических детей мы наблюдаем, что намерения родить более высоки для женщин, у которых партнер/муж имеет высшее образование – 45,8 % и профессионально-техническое образование – 37,5 %. При условии наличия общего биологического ребенка, намерение иметь еще одного ребенка снижается практически во всех образовательных группах.

Жительницы сельской местности и малых городов без детей имеют более выраженные намерения в отношении рождения первого ребенка в ближайшие 3 года (33,3 и 27,5 % соответственно) по сравнению с жительницами крупных городов (20,3 %). В случае наличия у респондентки хотя бы одного биологического ребенка, различия сглаживаются, и намерения родить варьируются от 18 до 22 % независимо от места жительства.

Наличие выявленных различий в намерениях родить у городских и сельских жительниц, тем не менее, не являются статистически значимыми.

Намерение родить имеет статистически значимую связь с показателем обеспеченности жильем. Больше всего намерение родить наблюдается у женщин, имеющих высокий уровень обеспеченности жильем, т. е. более 1 комнаты на члена домохозяйства (21,6 %) и самый низкий у женщин с низким уровнем обеспеченности жильем до 0,33 комнаты на члена домохозяйства (12,5 %).

Если женщина не имеет детей, но имеет партнера/ мужа, то намерения родить достаточно высоки независимо от уровня ее дохода. С появлением каждого последующего ребенка, репродуктивные намерения женщин с разным уровнем дохода снижаются. Несмотря на наличие некоторых различий, статистически значимой связи между доходом респондентки и ее намерениями родить ребенка в ближайшие 3 года, нет.

Учитывая стремление современных поколений отодвигать рождение детей на более позднее время, а значит накапливать уровень как экстрагенитальной патологии, так и заболеваний репродуктивной сферы, социальное значение развития служб поддержки материнства и детства будет расти.

Анализ самооценки здоровья женщин в возрасте 18–49 лет (рис. 3.4), позволил выявить следующее. Уровень своего здоровья как «очень хорошее» оценивает относительно небольшой процент женского населения. Обращает на себя внимание «обвал» самооценки в период 20–24 года: в этой возрастной группе всего 15,5 % опрошенных считают свое здоровье «очень хорошим». При этом такое же количество опрошенных – 15,5 %, оценили свое здоровье, как «среднее». Далее, с увеличением возраста, продолжает снижаться процент ответов «очень хорошее», а через 10 лет и «среднее». Данная тенденция – снижение уровня самооценки здоровья с увеличением возраста – может негативно сказываться на репродуктивных установках женщины. Можем предположить, что женщина, оценивая свое здоровье, как «среднее», будет настороженно относиться к планированию рождения двоих и более детей.

Наиболее высокий суммарный коэффициент рождаемости в республике регистрируется в 25–29 лет (поздний тип максимальной плодовитости). В этот период уровень самооценки женщинами своего здоровья продолжает планомерно снижаться. С учетом среднего возраста при рождении первого ребенка (26 лет), и рекомендуемого интервала между рождениями в 2,5–3 года, женщина реально может задуматься о рождении третьего ребенка в 34–35 лет, когда треть опрошенных (31,3 %) оценивают свое здоровье в интервале «среднее» – «очень плохое». Возникает «демографический диссонанс», когда рождение ребенка очень желательно с точки зрения воспроизводства населения и интересов конкретной женщины, но не очень показано с точки зрения уровня здоровья.

Влияние самооценки здоровья на намерение родить ребенка в 3 ближайших года представлено на рис. 3.5 и 3.6.

Таким образом, мы можем говорить о следующих наиболее значимых социально-экономических и демографических факторах, имеющих статистически значимую связь с репродуктивными намерениями женщин – возраст женщины, отсутствие детей или наличие одного ребенка, занятость женщины, уровень ее образования, зарегистрированный брак и обеспеченность жильем.

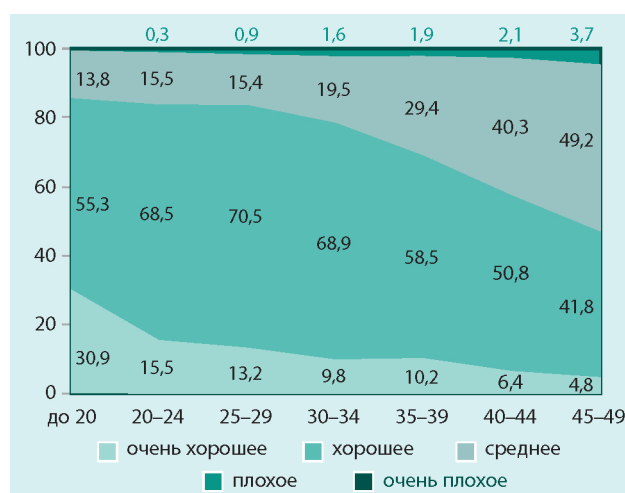


Рис. 3.4. Распределение женщин 18–49 лет в соответствии с самооценкой здоровья, %

Ухудшение самооценок общего состояния здоровья снижает распространенность установок родить ребенка в ближайшие 3 года. Среди женщин в возрасте от 30 до 44 лет, оценивших состояние своего здоровья как очень хорошее, доля имеющих намерение родить ребенка (еще одного ребенка) составляет 21 %, что является наиболее высоким значением для этого возраста. С другой стороны, среди женщин, оценивших свое здоровье как плохое и очень плохое, доля имеющих намерение родить сокращается до минимального уровня и составляет всего 8 % (рис. 3.5).

При расширении возрастного интервала до 49 лет распространенность установок родить ребенка в ближайшие 3 года у женщин с хорошей самооценкой здоровья естественно снижается (рис. 3.6), что позволяет сделать предварительное заключение о том, что уровень самооценки здоровья напрямую влияет на намерения женщины родить ребенка, в том числе, в ближайшие 3 года.

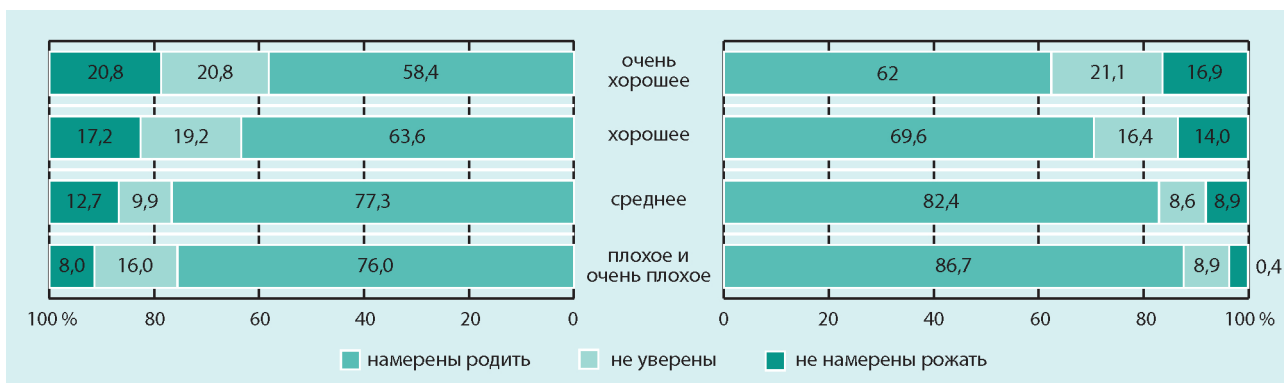


Рис. 3.5. Распределение женщин (30–44 года) по намерению родить ребенка в ближайшие 3 года в зависимости от самооценки здоровья, %

Рис. 3.6. Распределение женщин (30–49 лет) по намерению родить ребенка в ближайшие 3 года в зависимости от самооценки здоровья, %

Учитывая стремление современных поколений отодвигать рождение детей на более позднее время, а значит накапливать уровень как экстрагенитальной патологии, так и заболеваний репродуктивной сферы, социальное значение развития служб поддержки материнства и детства будет расти. Кроме того, постоянное и должное внимание необходимо уделять профилактике заболеваний, пропаганде здоровьесохраняющего (здоровьесберегающего) поведения населения.

Важным фактором, влияющим на репродуктивное здоровье и репродуктивные установки, является репродуктивная грамотность женского населения, над повышением уровня которой необходимо непрерывно работать. Важным фактором, влияющим на формирование репродуктивных установок является уровень самооценки здоровья женского населения.

4. РОДИТЕЛИ И ДЕТИ

В условиях недостаточной диверсификации сферы услуг, основная нагрузка по воспитанию и уходу за детьми в белорусских семьях ложится на родителей и ближайшее семейное окружение.

Сфера институциональных услуг по воспитанию и уходу за детьми в Беларуси представлена преимущественно государственными учреждениями образования. Широкая сеть дошкольных учреждений обеспечивает высокий, на уровне 95 %, охват детей 3–5 лет дошкольным образованием. В отношении детей до 3 лет она не так эффективна и, по оценочным расчетам, обеспечивает охват на уровне 19–20 %. Услуги для детей школьного возраста также сосредоточены в государственном секторе и предоставляются учреждениями общего среднего образования в форме групп продленного дня, охватывающих порядка 21 % учащихся. Исследование «Поколения и гендер» подтверждает, что наиболее популярные формы профессиональных услуг – это дошкольные учреждения и группы продленного дня. Распространенность услуг частных лиц (няни или воспитателя) не превышает 1 % семей.

В условиях низкой диверсификации сферы услуг, основная нагрузка по воспитанию и уходу за детьми в белорусских семьях, ложится на родителей и ближайшее семейное окружение. Более половины семей с детьми до 14 лет (54,7 %) не привлекают к уходу за детьми никаких внесемейных ресурсов, будь то профессиональные услуги, или просто помощь родственников или знакомых (рис. 4.1). Треть семей с детьми до 14 лет (31,7 %) использует институциональные услуги по уходу за детьми, четверть семей (25,5 %) регулярно прибегает к неформальной помощи со стороны близких людей. Внутрисемейные ресурсы современных родителей невысоки, поскольку более 85 % исследуемых семей составляют нуклеарные семьи. Таким образом, предоставление услуг исключительно в рамках системы образования, как это происходит в Беларуси, имеет смысл, однако не является достаточным для поддержки семей с точки зрения баланса «семья – работа».

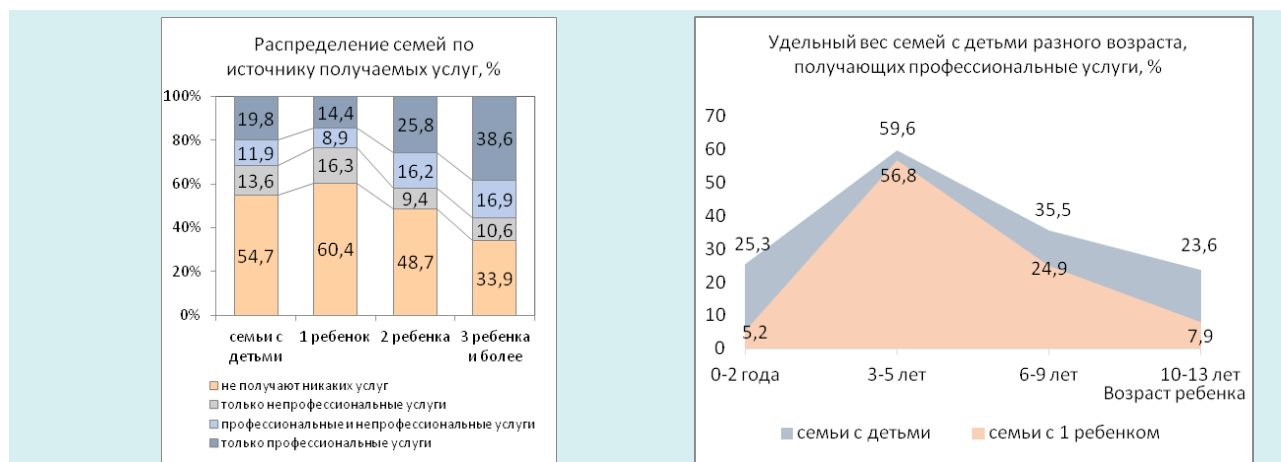


Рис. 4.1. Потребление семьями с детьми до 14 лет услуг по уходу за детьми

Главным фактором, влияющим на потребление институциональных услуг белорусскими семьями, является возраст ребенка. Воспитание и уход за детьми до 3 лет практически полностью смещены в семью. Охват семей, воспитывающих хотя бы одного ребенка до 3 лет, институциональными услугами составляет 25,3 %; охват семей с 1 ребенком этого возраста – только 5,2 %. Наиболее высокий охват институциональными услугами характерен для семей с детьми в возрасте 3–5 лет (59,6 %). По мере взросления ребенка школьного возраста охват профессиональными услугами по уходу сокращается.

Потребление институциональных услуг возрастает с увеличением числа детей, воспитываемых в семье. Среди семей с 1 ребенком до 14 лет институциональные услуги используют 23,2 % семей; среди семей с 2 детьми – 42,3 %; среди многодетных семей – 56,2 %.

Неформальный уход за детьми является значимым фактором потребления семьями институциональных услуг. При этом, он не является альтернативой институциональным услугам, а напротив, способствует их получению. Среди семей, получающих непрофессиональную помощь в уходе за детьми,

практически половина отхвачена институциональными услугами (46,5 %), в то время как среди не получающих такую поддержку семей – только 26,6 %. Таким образом, использование семьями профессиональных услуг в тех формах, в которых они на сегодняшний день предоставляются, требует от семей дополнительных ресурсов в виде помощи от родственников и знакомых.

Несхожесть ценностных ориентаций представителей различных поколений также влияют на стратегии ухода за детьми. Среди семей, где мнения респондентов отражают большую ценность автономии и независимости поколений друг от друга, отмечен более высокий охват институциональными услугами по уходу за детьми.

Исследование «Поколения и гендер» показало, что в белорусских условиях такие факторы, как качество жилья, образование и занятость матери, прожи-

вание с семьей других родственников, субъективная оценка доходов и даже взгляды респондента на роль семьи и общества в обеспечении заботы о детях, не определяют потребление семьями институциональных услуг по воспитанию и уходу за детьми. Фактически, это может означать, что потребление семьями институциональных услуг по уходу за детьми не чувствительно к потребностям семей, а скорее ограничено предложением этих услуг.

Обязанности по воспитанию и уходу за детьми между родителями в белорусских семьях распределены неравномерно. Решения по поводу воспитания детей родители принимают вместе. Выполнение обязанностей по уходу за детьми лежит преимущественно на женщинах, что проявляется в конечном итоге в более высоких временных затратах женщин на домашний труд и низкую по сравнению с мужчинами вовлеченность в рынок труда.

Тенденции, связанные с неустойчивостью семей, в которых воспитываются дети, не сказываются прямо на их будущем желании иметь собственных детей.

Тенденции трансформации института семьи, описываемые общей концепцией второго демографического перехода, позволяет предположить, что доля детей, рожденных вне брака и живущих в семьях после развода родителей, может увеличиваться. В связи с этим возникает необходимость изучения положения детей в таких семьях, выявления основных уязвимостей по сравнению с детьми в полных семьях, и оценка возможных долгосрочных последствий воспитания в таких семьях для будущего детей.

Отвечая на вопрос, как расставание родителей связано с положением и перспективам детей, и что может улучшить положение детей в разведенных семьях, можно отметить следующее. Детей от предыдущих отношений в подавляющем большинстве случаев воспитывают матери. У них, соответственно, меньше возможностей получить высшее образование, однако при наличии нового партнера, шансы на высшее образование восстанавливаются. Они реже находятся в отпуске по уходу за ребенком, в том числе, из-за того, что их дети, в среднем, старше 3 лет (средний возраст детей от предыдущих отношений – 10 лет, от нынешних – 7 лет). В связи с этим личные доходы матерей, воспитывающих детей от предыдущих отношений, даже выше, чем у матерей, воспитывающих детей от текущих отношений. Однако у тех, кто воспитывает детей от предыдущих отношений, среднемесячный доход на члена семьи ниже.

Люди, воспитывающие детей от предыдущих отношений, менее удовлетворены жизнью и менее счастливы, однако это различие практически нивелируется, если у них есть совместно проживающий партнер (только у 27,5 % родителей детей от предыдущих отношений). Еще 18,5 % людей, воспитывающих детей от предыдущих отношений, проживают совместно с какими-либо родственниками. Проживание с другими родственниками, помимо партнера, снижает доход на одного члена семьи и не повышает уровень удовлетворенности жизнью и оценку счастья.

Говоря о связи проживания в семье с одним родителем и будущих последствий во взрослой жизни, можно сделать следующие выводы. Люди, воспитывавшиеся в семьях с одним родителем, на 8,4 % реже получают высшее образование. В преломлении личного дохода эти различия не так заметны, но также имеются: выходцы из семей с одним родителем на 5,6 % реже получают доход, превышающий 400 бел. руб., чем те, кто воспитывался двумя родителями. Среди тех, кто воспитывался в семье с одним родителем, вероятность иметь партнера на 9,2 % меньше. Это сказывается на ряде таких важных аспектов, как удовлетворенность жизнью и оценка собственного счастья. Однако не отражается на желании иметь детей.

Таким образом, воспитание в семьях с одним родителем в краткосрочной перспективе сказывается на том, что у родителей этих детей меньше шансов получить высшее образование, ниже личные доходы (за счет того, что детей от предыдущих отношений, преимущественно, воспитывают женщины), ниже уровень удовлетворенностью жизнью и оценка собственного счастья. И шансы получить высшее образование, и оценки качества жизни родителей восстанавливаются, если у воспитывающего родителя есть партнер (и наличие детей от предыдущих отношений не снижают удовлетворенности от отношений с партнером). Но совместное проживание не с партнером, а с другими род-

ственниками, не улучшает благосостояние семьи, а также не сказывается на повышении удовлетворенности жизнью и оценке собственного счастья. В долгосрочной перспективе воспитание в семье с одним родителем негативно влияет на карьерные перспективы ребенка (ниже шансы получить высшее образование и более высокий доход), а также на семейную жизнь (вероятность иметь партнера). Однако важный вывод, который можно сделать, – это то, что современные тенденции, связанные с неустойчивостью семей, в которых воспитываются дети, не сказываются прямо на их будущем желании иметь собственных детей.

Только 16,7 % семей с одним ребенком-инвалидом выразили определенную уверенность в намерении завести еще одного ребенка в течение ближайших 3-х лет.

В исследовании «Поколения и гендер» для выявления детей с инвалидностью и семей, в которых они проживают, был использован вопрос о наличии у каждого ребенка в семье инвалидности или психофизических нарушений, не позволяющих ему осуществлять обычные повседневные действия. Поскольку в формулировке вопроса было отмечено «психофизические нарушения, не позволяющие выполнять повседневные дела», выявленный по данному вопросу ребенок принимался за ребенка с инвалидностью.

Всего в результате опроса было выявлено 74 домохозяйства, в которых проживает 82 ребенка с инвалидностью или психофизическими нарушениями, не позволяющими ребенку выполнять обычные повседневные действия. При этом в 6-ти семьях проживает по 2 ребенка-инвалида, и в одной семье воспитывают 3 ребенка с инвалидностью. Удельный вес мальчиков составил 59 %, девочек – 41 %.

Среди обследованных семей велика доля семей с одним родителем, их удельный вес составил 22,5 %. Также присутствует одна опекунская семья, в которой проживает 2 усыновленных ребенка-инвалида. Число членов опрошенных семей в большинстве случаев составляет 3–4 человека. В состав 17,6 % опрошенных семей входят бабушка (дедушка) ребенка с инвалидностью.

Практически половина семей имеет средний уровень материальной обеспеченности. Более 40 % респондентов указали на то, что их домохозяйство с учетом общего ежемесячного дохода сводит концы с концами «с некоторыми затруднениями». Наибольшее количество семей (около 20 %) имеют приблизительный чистый ежемесячный доход от всех членов семьи в диапазоне от 800 до 1 000 бел. руб.

Анализ положения семей, воспитывающих детей с инвалидностью, показал, что жилищные проблемы остаются для многих из них актуальными. Средняя оценка удовлетворенности родителями своим жильем составила 6,8 балла, что является невысоким показателем по шкале от 0 до 10. При этом в основном семьи проживают в собственном жилье с 2–3 комнатами (не считая кухонь, ванных, туалетов и т. д.).

Согласно данным исследования, почти 60 % матерей и 14,5 % отцов детей-инвалидов приходится полностью или частично ограничивать свой трудовой потенциал, т. е. работать не на постоянной основе. Соответственно, 85,5 % опрошенных отцов работают по найму; матерей, работающих по найму, – 39,1 %.

Результаты исследования показали, что в основном как уход за детьми, так и выполнение домашних обязанностей в семьях с детьми-инвалидами осуществляют женщины. Мужчины, как было показано выше, в основном отдают приоритет работе.

По мнению женщин, наиболее распространенные обязанности по уходу за детьми, которые им приходится выполнять: оставаться с детьми, когда они болеют (76,7 %), одевать детей (63,3 %). Наиболее частое выполнение обязанностей по домохозяйству: ежедневное приготовление еды (77,8 %), стирка (85,7 %) и уборка пылесосом (58,4 %).

Для мужчин практически не характерно выполнение обязанностей по уходу за детьми-инвалидами. Видами обязанностей по домохозяйству, в которых, по мнению мужчин, они участвуют больше, чем женщины, являются: мелкий ремонт по дому (73,9 %), оплата счетов и ведение финансов (30,4 %).

Участие в уходе за ребенком помимо партнеров (супругов) и других членов домохозяйства, помощь семьям также осуществляют другие родственники (бабушки и/или дедушки ребенка и др.), друзья, знакомые и др. На регулярную поддержку по уходу за детьми со стороны родственников и/или других людей, не проживающих в домохозяйстве, указали 35,6 % семей. Никто из семей не упомянул оплату данной помощи.

В среднем, по субъективным оценкам респондентов, характер их взаимоотношений с ребенком-инвалидом находится на высоком уровне, и составляет 9,07 балла по шкале от 0 до 10, где 0 означает «совершенно не удовлетворительные», а 10 – «полностью удовлетворительные» отношения. Наименьшая степень удовлетворенности у респондентов наблюдается в отношении их собственной жизни. Однако даже данный общий средний балл имеет довольно высокое значение (7,51) и значительно превышает середину шкалы (т. е. 5 баллов).

Эмоционально-психологическое состояние женщин в семьях с детьми-инвалидами в большей

мере, чем состояние мужчин, подвержено состояниям депрессии. Так, 38,6 % женщин за неделю до опроса иногда либо часто находились в подавленном настроении. В то время как данные чувства возникали у 26 % мужчин.

Как показало исследование, только семьи с одним ребенком выразили определенную уверенность в намерении завести еще одного ребенка в течение ближайших 3-х лет (16,7 %). При этом 50 % семей намерены не заводить еще одного ребенка в ближайшие 3 года. Соответственно 37,5 % семей с одним ребенком имеют обратные намерения.

Анализ положения семей, воспитывающих детей с инвалидностью, позволил выделить ряд проблем, наиболее актуальных для них: низкий уровень материальной обеспеченности; вынужденное ограничение трудовой активности родителей детей с инвалидностью; обусловленность уровня, качества и стиля жизни семей потребностями больного ребенка; эмоционально-психологическая напряженность в семьях и потребность в психологической поддержке.

5. ВЗАИМОТНОШЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ

Если в сетях по уходу за малолетними детьми основную нагрузку берут на себя родители, то в сетях практической помощи и помощи по уходу за собой дети чаще оказывают поддержку родителям, а также представителям более старшего поколения (дедушкам и бабушкам).

Социальная сеть поддержки и обмена частными трансфертами между родственниками, друзьями, соседями, коллегами и т. д. представляет собой совокупность неформальных каналов, по которым перемещаются и перераспределяются ресурсы, что в конечном счете позволяет людям адаптироваться в сложных ситуациях, выстраивать и реализовывать долгосрочные стратегии жизнедеятельности. Обмен частными трансфертами существует и функционирует наряду с государственной поддержкой различных категорий граждан, и может рассматриваться как дополнение такой поддержки или ее альтернатива.

Данные исследования «Поколения и гендер» свидетельствуют о том, что 24 % респондентов, имеющих детей до 14 лет и проживающих отдельно от своих родителей и других родственников, на постоянной основе получают помощь последних в уходе за детьми.

Объем получаемой помощи зависит от возраста детей: он снижается по мере их взросления. По результатам опроса, 46 % семей, имеющих детей в возрасте до 3 лет, и 62 % семей, имеющих детей от 3 до 6 лет получают регулярную практическую помощь по уходу за ними со стороны своих близких;

также ее получают 24 % семей с детьми от 6 до 14 лет. Таким образом, респонденты, имеющие детей дошкольного возраста, значительно чаще пользуются помощью по уходу за ними, чем респонденты, имеющие детей от 6 до 14 лет.

Реципиенты (получатели) помощи по уходу за детьми – это, главным образом, работающие женщины и мужчины, или женщины, находящиеся в отпуске по рождению или уходу за ребенком. От кого же конкретно они получают помощь? Как правило, это биологические родители, а также супруги или партнеры, с которыми один из родителей живет в настоящее время (67 %). Больше в помощь по уходу за детьми вовлечены женщины: они составляют около 80 % доноров, тогда как мужчины – около 20 %. Эта ситуация одинаково справедлива как для больших, так и для малых городов, а также для сельских населенных пунктов. Возраст большинства доноров помощи – от 40 до 69 лет. При этом есть объяснимая взаимосвязь возраста детей с возрастом доноров (фактически помогающих ухаживать за ними бабушек и дедушек): респонденты с детьми до 3 лет в основном пользуются услугами сорокалетних родителей; с детьми от 6 до 13 лет – в большей степени получают помощь от шестидесятилетних (рис. 5.1).

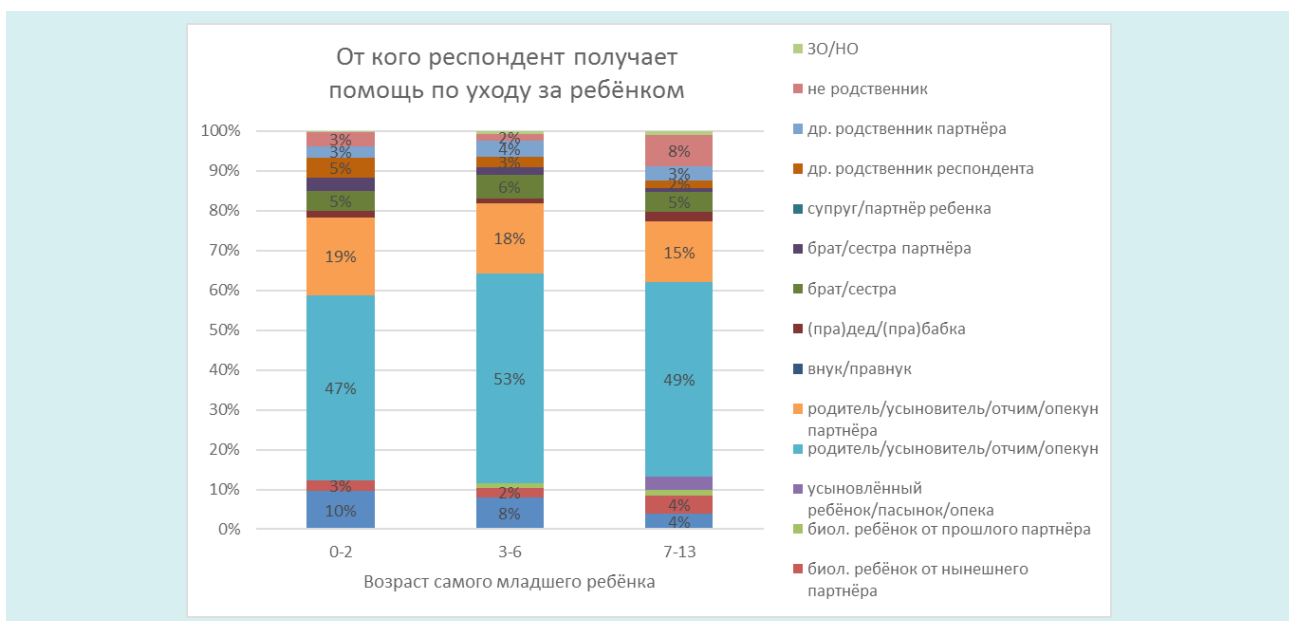


Рис. 5.1. От кого реципиент получает помощь по уходу за ребенком

Следующий вид трансфертов, передаваемых и обмениваемых в социальных сетях поддержки, – практическая помощь в выполнении множества различных обязанностей по дому – от уборки квартиры до мелкого ремонта и оплаты счетов. По данным исследования, 5,6 % респондентов (доноров) регулярно предоставляют такую помощь на непрофессиональной основе людям, не проживающим вместе с ним; 1,3 % как предоставляют, так и получают практическую помощь (другими словами, участвуют в обмене); 6,6 % только получают практическую помощь (являются реципиентами). Большая часть реципиентов практической помощи – люди преклонного возраста, старше 60 лет (43 %), преимущественно женщины (78 %). На селе, где традиционно слабо развита сфера услуг, реципиенты практической помощи имеют наиболее существенный удельный вес: они составляют немногим больше четверти (28 %) всех получающих помощь по данному виду ресурсов. Но и в крупных городах оказание практической помощи получило относительно большое распространение.

Престарелые родители, живущие отдельно, в ряде случаев лишены возможности ухаживать за собой самостоятельно и нуждаются в уходе со стороны других. По самооценкам участников опроса, в такого рода помощи нуждаются 92 респондента (1,3 % от объема выборки), 55 респондентов (0,8 % от выборки) реально получают ее от тех, кто не проживает с ними в одном домохозяйстве, и для которых эта помощь не является профессиональной обязанностью. Как правило, это пожилые люди, половина которых находится в возрасте 70 лет и старше, с низким или средним уровнем дохода. Помощь родителям по уходу за собой оказывают дети (18 %), а также супруг или партнер (14 %). Получающих помощь по уходу за собой больше в городах, чем в сельской местности.

Респонденты в социальной сети поддержки регулярно обмениваются финансовыми трансфертами в виде денег или товаров. По данным опроса, за последний год финансовую помощь оказывали 2,0 %

респондентов; получали ее 1,6 % респондентов; 0,6 % респондентов как оказывали, так и получали.

Помощь в виде финансовых трансфертов более активно оказывают мужчины, тогда как в другие рассмотренные ранее виды помощи больше вовлечены женщины. Реципиентами, получающими финансовую поддержку, чаще являются молодые люди и люди среднего возраста от 20 до 39 лет. Это дети (19 %), супруги или партнеры (16 %). В свою очередь, родители, нуждающиеся в финансовой помощи, получают ее от своих детей (25 %). Этот вид помощи больше распространен в больших городах. По данным опроса, в г. Минске, где почти 2 миллиона жителей, и доноров и реципиентов финансовой помощи вдвое больше, чем в сельской местности или в малом городе.

Таким образом, социальную сеть поддержки образуют межпоколенные связи родителей и детей, включая дедушек, бабушек и их внуков. К ним присоединяются связи супругов, братьев и сестер, других родственников. Наиболее развита сеть поддержки по уходу за детьми. Получая помощь от своих родителей и других родственников, респонденты, имеющие детей, также используют услуги государственных институтов, прежде всего, детских садов и групп продленного дня.

Менее развита сеть регулярной практической помощи и сеть регулярной помощи по уходу за собой. В этих двух случаях основную роль выполняют родственные связи (помощь со стороны государства незначительна). Но если в сетях по уходу за малолетними детьми основную нагрузку берут на себя родители, то в сетях практической помощи и помощи по уходу за собой дети чаще оказывают поддержку родителям, а также представителям более старшего поколения (дедушкам и бабушкам). Социальная сеть, в которой получают и обмениваются финансовыми трансфертами, включает преимущественно детей и их родителей. Главный поток трансфертов – от родителей к детям, а также от взрослых детей к престарелым родителям.

Забрать к себе родителей, которые уже не могут сами позаботиться о себе, готовы 86,6 % отдельно проживающих детей.

Более частые встречи с матерью, чем с отцом, характерны для всех групп респондентов.

Традиционно функция заботы и поддержки людей старшего возраста возлагается на их детей, а взаимоотношения со своими детьми остаются одним из самых важных контактов для пожилых родителей.

Взрослые дети считают своим долгом заботу о старших поколениях, нуждающихся в уходе на дому, но материальная поддержка пожилых родителей может стать для семьи весьма сложной задачей (рис. 5.2).

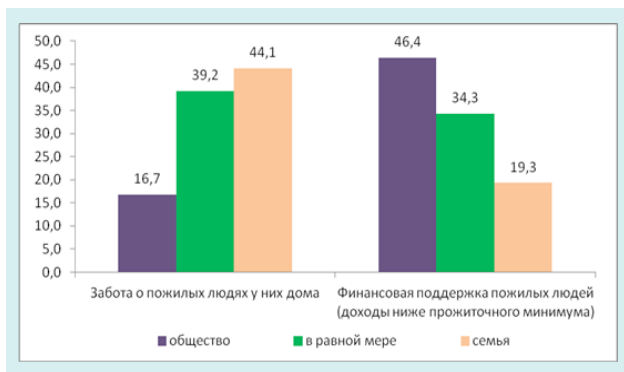


Рис. 5.2 – Кто должен заботиться о пожилых людях (% ответов)

Отметим, что пожилые люди не хотят стать обузой своим семьям: чем старше респонденты, тем реже они считают, что финансовая поддержка нуждающихся пожилых людей и забота о престарелых у них дома должны осуществляться семьей.

Чаще других готовы возложить заботу о пожилых на дому на общество респонденты, не занятые в экономике, а также помогающие члену семьи на семейном предприятии или фермерском хозяйстве (25 %). Около половины безработных, пенсионеров и нетрудоспособных считают задачей общества финансовую поддержку нуждающихся пожилых людей. Респонденты с низким уровнем доходов также полагают, что общество должно оказывать финансовую поддержку нуждающимся пожилым.

Чем хуже состояние здоровья респондентов, тем в большей степени они считают, что общество должно заботиться о пожилых людях, нуждающихся в уходе на дому, а также оказывать им финансовую поддержку.

Более религиозные люди чаще считают, что семья должна заботиться о своем старшем поколении, нуждающемся в домашнем уходе. Неверующие делят эту задачу поровну между обществом и семьей. Независимо от степени религиозности большинство респондентов считают финансовую поддержку нуждающихся задачей общества.

Чем меньше населенный пункт, тем чаще люди считают заботу о пожилых на дому задачей семьи (47,8 %), и тем больше ожидают финансовой поддержки нуждающихся престарелых от общества (50,7 %). Такое распределение мнений характерно и для села. В обоих вопросах мнение об ответственности семьи, чаще высказывали женщины; мужчины больше склонны делегировать эти обязанности обществу.

Обнаружено также положительное влияние совместного проживания с родителями на намерения взрослых детей заботиться о них.

Для дальнейшего анализа были отобраны респонденты, живущие отдельно от своих родителей. Выявлена высокая степень готовности детей внести изменения в свою жизнь ради престарелых родителей: 89,7 % согласны взять на себя ответственность за заботу о своих родителях, когда они в этом нуждаются. Обеспечивать финансовую поддержку родителей в случае возникновения у них финансовых затруднений согласны 82,8 %; в том числе до 90 % молодых людей в возрасте 18–29 лет и 86 % людей с высшим образованием.

Забрать к себе родителей, которые уже не могут сами позаботиться о себе, готовы 86,6 % отдельно проживающих детей.

Косвенное представление о тесноте отношений взрослых детей с родителями дает частота их контактов (рис. 5.3). Более частые встречи с матерью, чем с отцом, характерны для всех групп респондентов. Выявлено также, что с отцами чаще встречаются сыновья, с матерями – дочери.

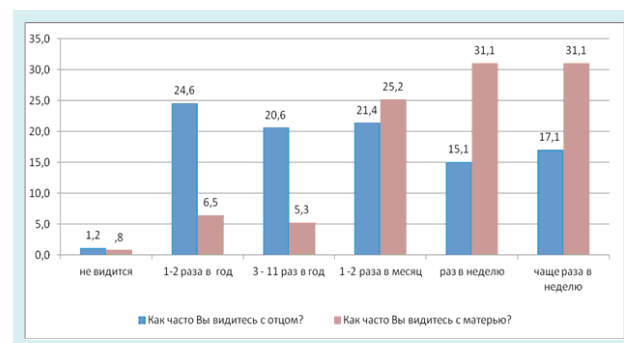


Рис. 5.3. Частота встреч взрослых детей с отцом и с матерью, %

Одним из наиболее весомых факторов, влияющих на частоту встреч, выступает временная доступность родителей. Критическим является расстояние, преодоление которого требует более одного часа. При больших расстояниях частота контактов с отцом сокращается вдвое, с матерью – на 30 %.

Наличие братьев и сестер предсказуемо снижает частоту контактов взрослых детей с родителями. Однако в нашем исследовании обнаруживается повышение частоты встреч с матерью при наличии одного брата/сестры.

Дети, воспитывавшиеся до 15 лет только матерью, видятся с ней реже, чем дети, выросшие в полных семьях. Еще реже с матерью видятся дети, социализировавшиеся без нее. В отношении встреч с отцом наблюдается противоположная тенденция.

Частота встреч с родителями зависит также от возраста ухода из родительского дома. Чем позднее

ребенок покидает родителей, тем чаще он впоследствии с ними общается.

Взрослые дети выражают готовность взять на себя заботу о пожилых родителях. Тем не менее, особое

внимание необходимо обратить на пенсионеров и людей, имеющих плохое состояние здоровья, низкий уровень образования и низкие доходы, живущих в сельской местности.

Наиболее мобильной является когорта, родившаяся в 1948–1957 гг.: изменение образовательного статуса по сравнению с родителями наблюдается у 80,9 % мужчин и у 83 % женщин. Одновременно с этим выявлены тенденции к снижению уровня социальной мобильности для более молодых поколений, получивших образование и начавших трудовую деятельность уже в период независимости Беларуси.

Анализ результатов исследования позволяет оценить интенсивность межпоколенной образовательной мобильности, а также влияние образования родителей на доходы детей. Процессы межпоколенной мобильности анализировались по подвыборке 3 137 мужчин и 4 003 женщин, родившихся в период с 1938 по 1992 гг. (включительно). Уровень образования измерялся по Международной стандартной классификации образования (МСКО).

Поколенческий принцип исследования реализовался путем выделения 6 возрастных когорт: I когорта – респонденты до 29 лет; II когорта – от 30 до 39 лет; III когорта – от 40 до 49 лет; IV когорта – от 50 до 59 лет; V когорта – от 60 до 69 лет; VI когорта – до 79 лет.

При оценке данных по общей возрастной когорте за период 1938–1992 гг., характеризующих образовательный уровень респондентов и их родителей, было обнаружено значительное превосходство в уровне образования детей над обоими родителями. В гендерном разрезе в общей возрастной когорте выявлен более высокий уровень образования у респондентов женского пола. Кроме того, у родителей респондентов прослеживается схожая тенденция (14,9 % матерей респондентов имеет высшее или послевузовское образование в сравнении с 14,5 % отцов).

Анализ формирования образовательных групп по гендерным линиям показал, что в группе с высшим образованием родителей 69,1 % сыновей и 73,3 % дочерей повторили их образовательный статус; в группе со средним специальным образованием родителей – 45,8 % сыновей и 41,8 % дочерей. В оставшихся 3-х образовательных группах респонденты существенно реже воспроизводят образовательный уровень родителей.

Общая интенсивность образовательной межпоколенной мобильности у респондентов мужского и

женского пола составляет 67,1 % и 71,9 % соответственно. Другими словами, более 2/3 респондентов обладают образовательным статусом, который отличается статуса от родителей. Приобретение более высокого образовательного статуса доминирует среди направлений межпоколенной мобильности. По гендерной линии «отец – сын» восходящая мобильность составила 54,1 %, а по линии «мать-дочь» – 63,5 %.

Когортный анализ позволил оценить в динамике изменение образовательного статуса респондентов. Наиболее мобильной является когорта V. Изменение образовательного статуса по сравнению с родителями наблюдается у 80,9 % мужчин и у 83 % женщин, рожденных в 1948–1957 гг. В последующих возрастных когортах наблюдается существенное сокращение восходящей мобильности по обоим гендерным линиям. В I и II возрастных когортах наблюдается наибольший рост воспроизводства образовательного статуса. В свою очередь, нисходящая мобильность также имеет тенденцию к увеличению при переходе к более высокой когорте как для мужчин, так и для женщин. Все это свидетельствует о тенденции к снижению значимости образования, что может объясняться тем, что на современном этапе наличие более высокого образовательного статуса не является обязательным условием успешной карьеры.

В целом, полученные результаты отражают значимый и высокий уровень социальной мобильности в стране для всех возрастных когорт. Наблюдается существенный рост образованности молодого поколения по отношению к их родителям. Одновременно с этим были выявлены тенденции к снижению уровня социальной мобильности для более молодых поколений, получивших образование и начавших трудовую деятельность уже в период независимости Беларуси.

6. ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ: СЕМЬЯ И РАБОТА

В восприятии и выстраивании партнерских отношений преобладает модель «равенства вкладов», а не «равенства участия».

Современная социокультурная ситуация характеризуется трансформацией традиционных семейных ролей женщины и мужчины, формированием более равноправных моделей брачно-семейного партнерства. Гендерные стереотипы в сфере родительства наиболее устойчивы в сравнении с другими сферами жизни, и труднее поддаются перестроению. Вместе с тем, наряду с экономическими стимулами именно культура семейных отношений влияет на брачно-семейное и репродуктивное поведение партнеров.

В последние десятилетия в развитых западных странах наблюдается переход к модели партнерского распределения гендерных ролей, а также более активного включения отцов в работу по дому и уход за детьми, так называемую модель «нового отцовства». Ряд исследований показал, что достижение гендерного равенства в приватной сфере позитивно отражается на рождаемости, так как нивелирует проблему двойной нагрузки женщины. «Новое отцовство» позитивно сказывается и на дальнейшем «качестве» воспитания детей. Тем не менее, одновременно с процессами распространения модели «нового отцовства» фактическое распределение ролей внутри семьи все еще подвержено дисбалансу.

Данные исследования «Поколения и гендер» позволяют провести анализ распределения гендерных ролей в брачно-партнерских союзах Беларуси. Результаты измерения гендерных ценностных ориентаций демонстрируют существование определенной полярности установок респондентов (рис. 6.1). В ряде вопросов (наличие работы, важность ухода за детьми, обязанности по уходу за домом и детьми) около половины респондентов склоняется к модели равного участия обоих супругов/партнеров, а другая – к модели, при которой сохраняется неравное распределение ролей с фокусом на одного из супругов/партнеров. Мужчины склонны чаще, чем это делают женщины, видеть именно себя в роли политических лидеров, а также имеющих работу и обязанных зарабатывать деньги. Лишь по вопросу о важности университетского образования преобладает установка на гендерное равенство. Наконец, такое распределение ответов незначительно отличается у респондентов разного пола, возраста, уровня образования, места проживания.

Данная полярность в ценностных ориентациях проявляется и на уровне повседневных семейных практик респондентов (рис. 6.2). Нагрузка на женщин в организации домашнего быта и ухода за детьми гораздо выше, так как данные практики выполняются либо исключительно женщинами, либо при их участии наравне с супругом/партнером.

Схожее распределение обязанностей наблюдается и в сфере ухода за детьми (рис. 6.3). Женщины полностью или частично выполняют работу в каждой из практик, в то время как мужчины в той или иной мере вовлечены в данные практики вместе с женщинами (наиболее активно такое участие в практике игр и совместного досуга с детьми).

Несмотря на столь ассиметричное участие супругов/партнеров в практиках по уходу за домом и детьми в целом, респонденты обоих полов высказывают высокую степень удовлетворенности таким распределением вышеперечисленных обязанностей (рис. 6.4).

В среднем мужчины демонстрируют более высокую степень удовлетворенности таким положением дел, чем женщины. Женщины заметно чаще демонстрируют среднюю или низкую степень своей удовлетворенности в обеих сферах – работе по дому и уходу за детьми.

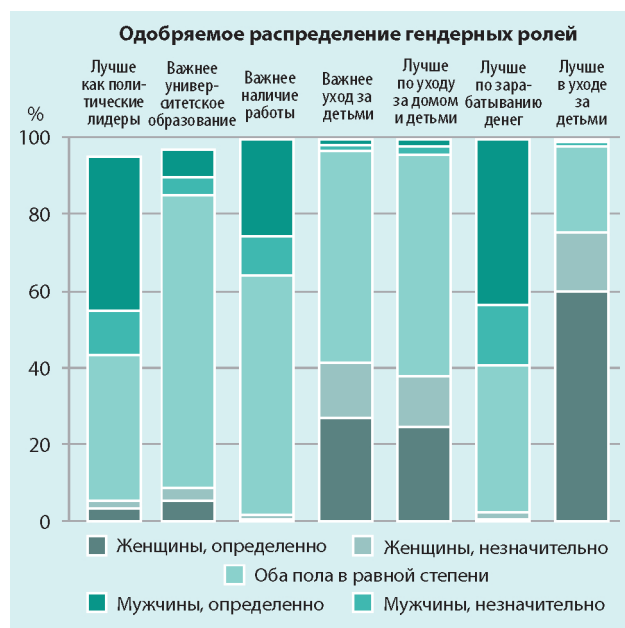


Рис. 6.1. Одобримое распределение гендерных ролей женщин и мужчин

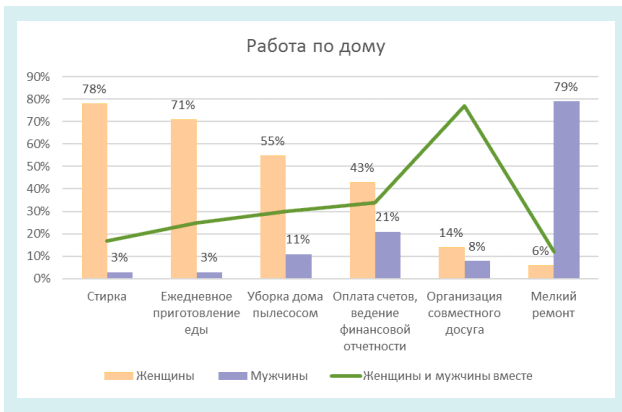


Рис. 6.2. Распределение работы по дому между женщинами и мужчинами

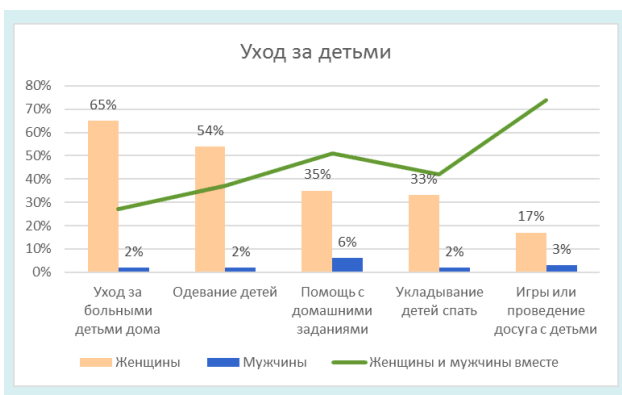


Рис. 6.3. Распределение обязанностей по уходу за детьми между женщинами и мужчинами

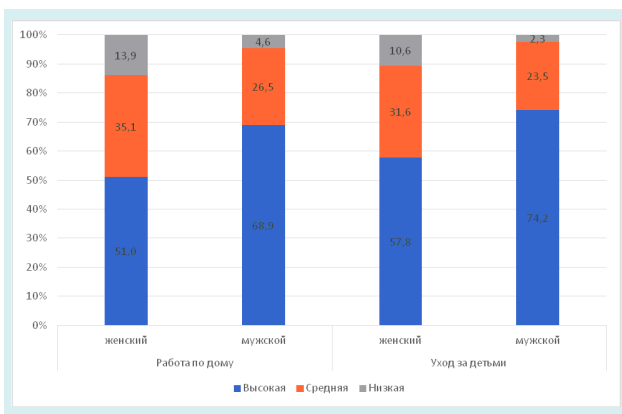


Рис. 6.4. Степень удовлетворенности женщин и мужчин распределением работы по дому и обязанностей по уходу за детьми

Респонденты, которые на момент опроса уже имеют одного ребенка и высоко удовлетворены распределением обязанностей по уходу за детьми, несколько чаще демонстрируют готовность родить ребенка/детей в ближайшие 3 года, а среди тех, кто не имеет определенного мнения по данному вопросу, чаще встречаются респонденты со средним уровнем удовлетворенности распределением обязанностей по уходу за имеющимся в семье ребенком.

Таким образом, наличие ценностных ориентаций на равное распределение гендерных ролей, с одной стороны, а также фактически неравное их распределение на уровне конкретных практик при наличии высокой удовлетворенности таким распределением, свидетельствует о наличии разных моделей восприятия и выстраивания партнерских отношений в семье. Данные модели обеспечивают равенство индивидуальных вкладов обоих супругов/партнеров в общесемейное благосостояние за счет неравного их участия в отдельных практиках и трудовой занятости. Модель «равенства участия» предполагает, что партнеры примерно в равной мере участвуют во всех (большинстве) практиках, в то время как модель «равенства вклада» допускает неравное участие в данных практиках.

Наличие сильных ценностных ориентаций на гендерное равенство в семье свидетельствует о наличии культурного потенциала по расширению гендерного равенства в белорусском обществе. Однако его использование требует соответствующей системной реформаторской работы по обеспечению гендерного равенства в общественном мнении и во всех практических сферах жизнедеятельности общества.

Данные опроса позволили выявить существенные гендерные различия в ответах респондентов об инициаторе развода, т. е. наличие мужской и женской версий. Достаточно большой объем выборки, рассказавшей о разводах (527 мужчин и 989 женщин), предполагает выявление схожих закономерностей распределения ответов мужчин и женщин. Однако мужчины наиболее часто указывали в качестве инициаторов развода обоих супругов (46,5%), в то время как женщины – себя (59,6%). Мужчины считают себя инициатором развода в 26,9% случаев, женщины в свою очередь признают инициативу развода за мужчиной только в 8,1% случаев. Это вызывает сомнения в объективности оценки значительной частью респондентов событий их прошлого, или даже искренности их ответов на этот вопрос.

Предполагая одинаковый уровень объективности (субъективности) двух полов при обобщении, можно заключить, что наиболее часто инициативу развода проявляют женщины (около 43 %). Развод по обоюдной инициативе имеет место в 39 % случаев.

Реже всего разводы происходят по инициативе мужчин (около 18 %). Наличие детей увеличивает частоту разводов по инициативе женщин и снижает по инициативе мужчин.

У женщины, преодолевшей плотное отборочное сито при трудоустройстве на частное предприятие, шансы реализовать свой образовательный потенциал и сделать карьеру намного больше приближаются к шансам мужчин по сравнению с тем, как обстоит ситуация на предприятиях государственной формы собственности

В последние десятилетия развитие белорусского общества сопровождается рядом серьезных изменений, вызванных переходом к инновационной экономике. Знания и информация сегодня становятся ключевыми ресурсами развития как общества в целом, так и отдельной личности.

От готовности и умения индивида наращивать свой человеческий потенциал, то есть овладевать знаниями и конвертировать их в другие виды ресурсов (доход, статус, престиж) во многом зависит успешность реализации им своего жизненного проекта. Иначе говоря, в новых условиях возникают новые виды образовательных и профессиональных стратегий, выстроенные вокруг особой ценности знаний. А поскольку образовательная и профессиональная деятельность современного человека все больше характеризуются непрерывностью и постоянно пересекаются между собой, то более оправданным, с методологической точки зрения, на наш взгляд, будет употребление понятия траекторий.

В силу специфики данных проекта «Поколения и гендер», образовательную траекторию мы рассматриваем как процесс продвижения индивида по ступеням формального образования, сопровождаемый освоением определенных компетенций и завершающийся получением официального документа о прохождении соответствующего образовательного этапа (диплома об окончании вуза и т. д.). Под профессиональной траекторией мы понимаем процесс перемещения индивида на рынке труда от одной позиции к другой, различающихся уровнем оплаты труда, статусом профессии и т. д. В данном случае за основу взято определение профессиональной траектории, предложенное Г.А. Чередниченко в работе «Образовательные траектории и профессиональные карьеры» (2012).

Таким образом, мы попытаемся реконструировать некоторые аспекты формирования образовательных и профессиональных траекторий современных белорусов с учетом специфики их гендерных и

межпоколенческих различий, а также проанализируем условия, в которых они складываются.

Место женщины и мужчины в социально-профессиональной структуре белорусского общества. Согласно данным исследования, образовательный потенциал женщин в Беларуси несколько превышает образовательный потенциал мужчин. Так, например, доля респондентов с высшим образованием в структуре женского и мужского населения составляет соответственно 33,8 % и 29,9 %; со средним специальным – 37,5 % и 33,6 %. Это небольшое, но статистически значимое смещение доли лиц с высшим образованием в сторону женщин сохраняется и в структуре гендерного распределения работников предприятий всех форм собственности, где уровень достигнутого женщинами образования несколько превышает уровень образованности мужчин. На этом этапе анализа различия между полами невелики, однако они углубляются по мере дальнейшей дезагрегации данных.

В частности, если обратиться к показателям, характеризующим положение представителей обоих полов на предприятиях разных форм собственности в зависимости от занимаемых статусных позиций и характера выполняемой работы, мы видим ряд довольно ощутимых различий в особенностях образовательно-профессиональных траекторий мужского и женского населения.

Эти различия выражаются, например, в том, что частные предприятия являются более сложным для женщин вариантом трудоустройства, но и более перспективным в плане построения карьеры. Об этом косвенно свидетельствуют результаты опроса: доля мужчин, работающих по найму на предприятиях частной формы собственности, почти на 18 % превосходит долю женщин (соответственно 58,9 % и 41,1 %). В государственных организациях ситуация обратная: здесь доля женщин (52,6 %) перевешивает долю мужчин (47,4 %). Вероятно, такое положение дел отчасти связано и с тем, что государственные предприятия зачастую предлагают

своим работникам худшие финансовые перспективы (особенно в начале трудового пути), поэтому и конкуренция при трудоустройстве там ниже, чем в частных организациях. Кроме того, уязвимые категории работников, к которым относятся и молодые женщины, в особенности, молодые матери, на госпредприятиях более защищены.

С другой стороны, у женщины, преодолевшей плотное отборочное сито при трудоустройстве на частное предприятие, шансы реализовать свой образовательный потенциал и сделать карьеру

намного больше приближаются к шансам мужчин по сравнению с тем, как обстоит ситуация на предприятиях государственной формы собственности. Это подтверждается, например, тем, что доли лиц с высшим образованием среди женщин и мужчин-руководителей на частных предприятиях практически равны. Соотношение составляет 69,6 % к 68,4 % соответственно, в то время как на предприятиях государственной формы собственности значения этих показателей составляют 68,2 % для женщин и 60,9 % для мужчин.

7. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

В случае начала совместного проживания с партнером, 31 % респондентов полагают, что ситуация улучшится, 10 % уверены, что она улучшится существенно.

Социологическое исследование «Поколения и гендер» предоставило возможность анализа особенностей формирования и развития материального благосостояния белорусских домохозяйств в социально-демографическом контексте через призму неравенства по доходам, причем как по объективным данным, так и по субъективным оценкам респондентов.

Общая картина распределения домохозяйств по объективным данным о доходах позволяет отметить, что в Республике Беларусь неравенство по доходам не существенно. Это связано, главным образом, с незначительной численностью домохозяйств с наименее и наиболее высокими доходами, и практически равномерным распределением домохозяйств по группам от 250 до 1 500 руб. (рис. 7.1).

Смещение траектории распределения по доходам в сторону наименее обеспеченных домохозяйств, как правило, свидетельствует о наличии риска малообеспеченности для ряда домохозяйств, даже если они таковыми не являются.

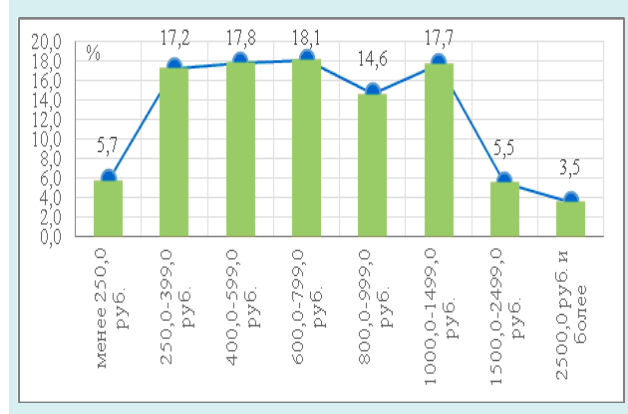


Рис. 7.1. Распределение домохозяйств по величине ежемесячного дохода, % к общему числу ответивших

Анализ материальных деприваций, присущих отдельным домохозяйствам, свидетельствует о следящих масштабах отклонений в осуществлении основных видов потребительских расходов по сравнению со средними значениями по выборке в целом (рис. 7.2).

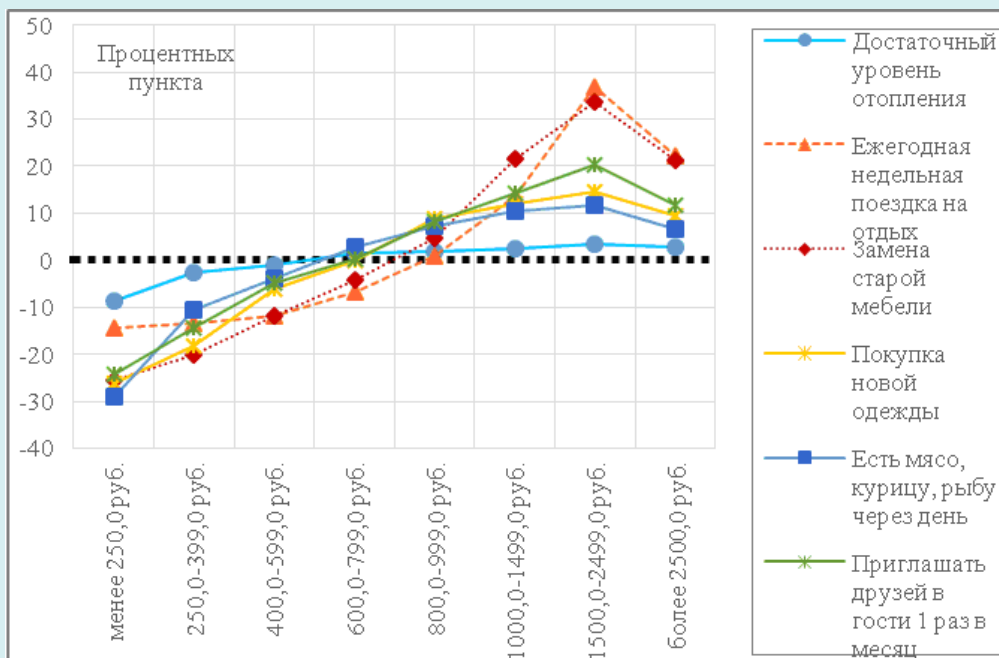


Рис. 7.2. Отклонение возможностей домохозяйств (с разным уровнем ежемесячного дохода) в осуществлении основных потребительских расходов от средних значений по выборке, %

Наибольший коридор колебания отмечается в отношении ежегодной недельной поездки на отдых. Такие расходы считают доступными для себя только 11 % наименее обеспеченных домохозяйств, против 47,8 % наиболее обеспеченных домохозяйств.

В целом по выборке 16,5 % респондентов ответили о наличии банковских счетов или сберегательных вкладов, 5,5 % – о существовании пенсионных счетов или вкладов. Следовательно, каждое пятое домохозяйство (в зависимости от уровня текущих доходов) стремится самостоятельно участвовать в поддержании своей экономической устойчивости, и снижает, тем самым, реальный риск малообеспеченности, позволяет чувствовать более уверенно при возникновении материальных затруднений.

Также опрос показал, что лишь 2,2 % респондентов или их супруги (партнеры) за последние 12 месяцев получали финансовую помощь на сумму не менее 250 евро. Наследовали деньги, товары или имущество на сумму более 5000 евро 3,1 % респондентов или их супругов (партнеров). Это означает, что те домохозяйства, которые располагают средствами экономической устойчивости, даже при невысоких текущих доходах не рассчитывают, как правило, на помощь извне и опираются на собственные финансовые возможности.

Абсолютное большинство респондентов (79,4 %) отметили, что жилье, в котором они проживают, находится в их собственности, 9 % арендуют жилье, 4,8 % проживают без арендной платы, но собственниками не являются.

Наличие жилья в собственности у большинства домохозяйств, даже несмотря на небольшое количество комнат (в 2-х комнатах проживают 37,7 %, в 3-х комнатах – 37,3 % домохозяйств), оказывает позитивное влияние на удовлетворенность им. Так, по 10-балльной шкале удовлетворенности жильем более 60 % домохозяйств оценили ее на уровне 8 баллов и выше, и только 6,8 % домохозяйств дали оценку менее 5 баллов.

По субъективным оценкам респондентов (при ответе на вопрос, как их домохозяйство «сводит концы с концами»), 33 % домохозяйств справляются со своими материальными затратами в совокупности «очень легко», «легко» и «довольно легко», 22,5 % – «с трудом», 44,5 % – с некоторыми затруднениями.

Несмотря на то, что легкость решения материальных проблем не всегда означает для респондента состояние счастья, тем не менее связь между лег-

костью решения проблем, связанных с доходами, и ощущением счастья в белорусских домохозяйствах очевидна (рис. 7.3).

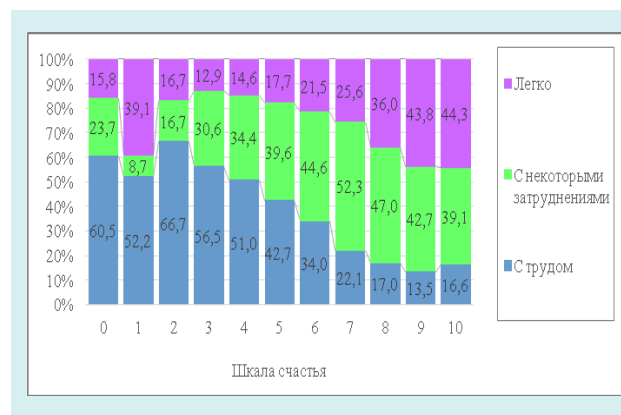


Рис. 7.3 – Связь субъективных оценок доходов (как домохозяйство «сводит концы с концами») и ощущения счастья в домохозяйствах

Обращают на себя внимание высказывания респондентов по поводу изменения для них финансовых возможностей в случае начала совместного проживания с партнером: большинство (46,9 %) считают, что ситуация в финансовом аспекте для них не изменится, однако 30,9 % полагают, что ситуация улучшится, 10,4 % уверены, что она улучшится существенно.

Репродуктивные намерения респондентов также связаны с уровнем их материальной обеспеченности. Среди тех респондентов, кто высказал намерения родить ребенка в ближайшие 3 года, практически 60 % проживают в домохозяйствах с доходами от 600 до 1500 руб., домохозяйства с наименьшими и наибольшими доходами представлены среди них незначительно. Это позволяет сделать предположение, что в пограничных по доходам группах потребность в детях снижается не только под влиянием недостаточного уровня материального благосостояния, но и в связи с высоким уровнем материальных притязаний, по сравнению с которыми намерение родить ребенка гораздо слабее.

Исследование позволило сделать следующие основные выводы. Среди обследованных домохозяйств наблюдается в целом невысокий уровень неравенства по доходам, но риск малообеспеченности для части домохозяйств имеет место. Уровень материальных притязаний для многих домохозяйств невысок, поэтому на основании субъективной оценки своих доходов часть таких домохозяйств оценивает собственное ощущение счастья максимальными баллами.

Уже в возрасте старше 30 лет у мужчин и 40 лет у женщин доля лиц с избыточной массой тела начинает превышать долю лиц с нормальным индексом массы тела

Здоровье является одной из наиболее значимых социальных ценностей и выступает необходимым условием социально-демографического воспроизводства. Оно характеризует общество с точки зрения жизнеспособности и гармоничности развития, и в настоящее время рассматривается в качестве критерия прогресса и социального благополучия.

Согласно данным исследования «Поколения и гендер», средняя величина самооценки здоровья населения Беларуси, измеренной по пятибалльной шкале (где 5 – «очень хорошее», а 1 – «очень плохое»), составляет 3,56 балла. При этом самооценка здоровья снижается по мере увеличения возраста населения от значения 4,22 баллов у лиц, не достигших 20 лет до 2,65 баллов в возрастном интервале 70–79 лет (единственная возрастная группа, в которой средняя оценка здоровья ниже среднего значения по стране).

Согласно полученным данным, во всех возрастных группах мужчины более высоко оценили свое здоровье, по сравнению с женщинами. Эти различия более выражены в возрасте после 60 лет. Различия в уровне самооценки здоровья городского и сельского населения не выявлены.

Уровень самооценки здоровья в определенной мере зависит от уровня образования населения: респонденты, имеющие высшее образование, отметили более высокие оценки своего здоровья. Более высокая самооценка здоровья у респондентов с высшим образованием отмечена во всех возрастных группах, за исключением респондентов в возрасте до 29 лет; который совпадает со временем получения образования, в том числе, высшего (рис. 7.4).

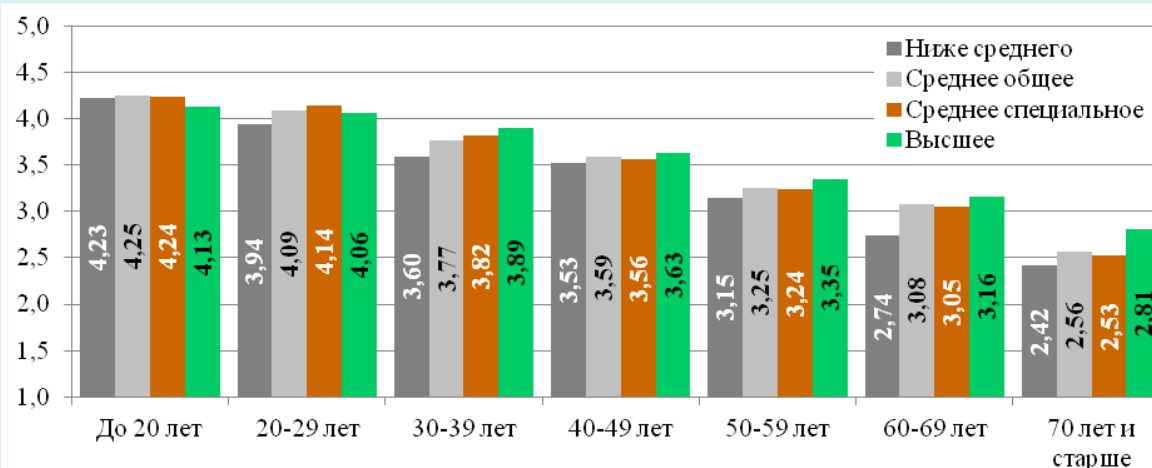


Рис. 7.4 – Индекс самооценки здоровья в разрезе возраста, в зависимости от уровня образования, в баллах

Уровень удовлетворенности жизнью снижается по мере ухудшения самооценки здоровья. В группе респондентов, оценивших свое здоровье как «очень хорошее», среднее значение показателя удовлетворенность составило 8,27; в группе, оценивших здоровье как «очень плохое», – 5,13 (табл. 7.1).

Попытка объективизации данных о состоянии здоровья через вопрос об имеющихся хронических заболеваниях (патологических состояниях) и проведенный анализ данных показал, что среди отмеченных заболеваний преобладают такие как «высокое кровяное давление или гипертензия» и «болезни сердца».

Таблица 7.1 – Оценка удовлетворенности жизнью в зависимости от самооценки здоровья

Самооценка здоровья	Насколько Вы в целом удовлетворены сегодня своей жизнью в настоящее время? (среднее)
Очень хорошее	8,27
Хорошее	7,93
Среднее	7,23
Плохое	6,32
Очень плохое	5,13

Почти для всей отмеченной у себя населением патологии более выраженный рост ее распространенности с возрастом отмечен среди женского населения. Исключение – хронические заболевания легких (ХОБЛ), что может быть обусловлено таким фактором риска как курение.

При этом именно наличие/отсутствие ХОБЛ демонстрирует самые большие различия в удовлетворенности жизнью (табл. 7.2):

Таблица 7.2 – Удовлетворенность жизнью и самооценка здоровья в зависимости от наличия/отсутствия ХОБЛ

Хроническое заболевание легких	Насколько Вы в целом удовлетворены сегодня своей жизнью в настоящее время? (от 0 до 10)	Индекс самооценки здоровья (от 1 до 5), баллы
Есть	6,72	2,93
Нет	7,58	3,58
Итого	7,56	3,56

Исследование «Поколения и Гендер» предоставило также возможность оценить распространенность значимого фактора риска (ФР) – избыточной массы тела. Индекс массы тела (ИМТ) – величина, которая является производной от 2-х параметров: рост и вес, имеет свои оценочные критерии (весьма понятные и легко рассчитываемые) и является общепринятым показателем такого ФР как «Избыточная масса тела/ожирение». С возрастом среди представителей обоих полов наблюдается выражено негативное изменение (увеличение) данного параметра, и уже в возрасте старше 30 лет у мужчин и 40 лет у женщин доля лиц с избыточной массой тела начинает превышать долю лиц с нормальным ИМТ (рис. 7.5). При этом отклонения от нормы ИМТ ухудшают самооценку здоровья.

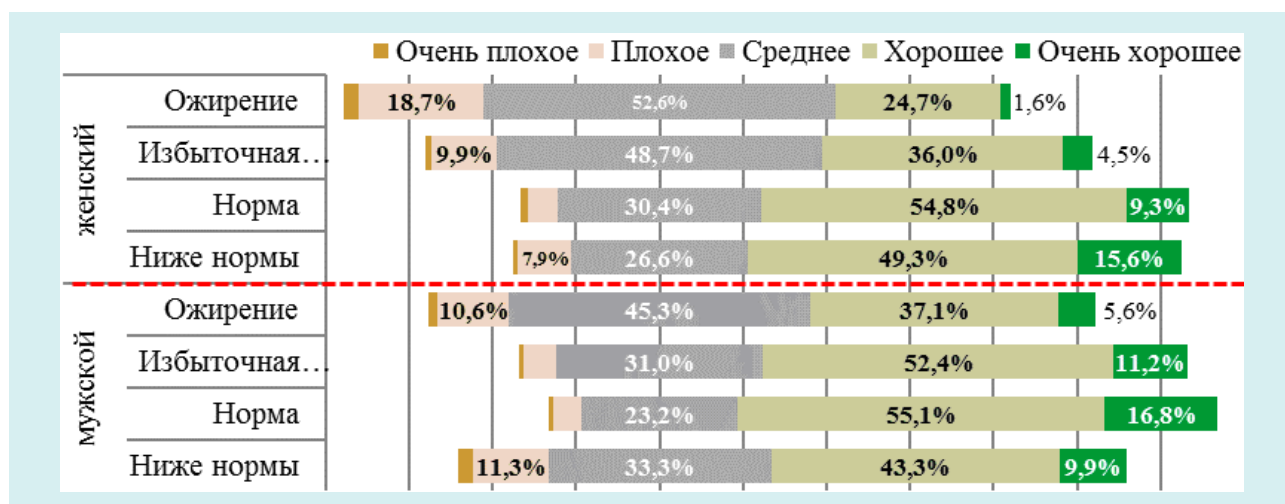


Рис. 7.5. Распределение самооценок здоровья по ИМТ в зависимости от пола, %

8. ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Представленный анализ охватывает широкий спектр информации, полученной в результате опроса. Дальнейшая работа с данными позволит глубже понять суть демографических процессов и, следовательно, будет содействовать разработке более эффективных мер демографической политики.

Первой сферой, в которой кроется значительный потенциал, является изучение жизненного цикла людей. Ретроспективная информация о моделях создания семьи может указать на изменения, произошедшие с течением времени. В имеющейся подборке данных представлен анализ времени рождения первого ребенка и партнерских отношений. Исследование также позволяет выявить динамику наступления этих событий во временной перспективе. Например, существует ли временной разрыв между моментом заключения брака и рождением первого ребенка или наблюдается тенденция рождения детей до заключения брака. Меняется ли со временем влияние факта рождения ребенка на риск разрыва отношений в паре. Результаты такого анализа могли бы быть максимально полезны как для социальной демографии как науки, так и для тех, кто принимает стратегические решения.

Второй сферой является инновационный модуль социальных сетей, который включен в опрос. Этот раздел опроса выстроен так, чтобы охватить глубину и сложную картину сетей семейных взаимоотношений, что позволяет исследователям лучше понять роль, которую члены семьи могут сыграть в оказании поддержки друг другу. Семейные сети и сети друзей очень важны в уходе за детьми или пожилыми родителями. Поэтому важно учитывать обязательства, возникающие в ходе оказания помощи такого рода. Чтобы выявить закономерности в области репродуктивных намерений, здоровья, благополучия и качества жизни, необходимо понимать социальный контекст жизни людей. Эта та область исследования «Поколения и гендер», которая особенно актуальна для лиц, принимающих стратегические решения, поскольку она охватывает те сферы жизни, которые обычно выходят за рамки демографической статистики. Тем не менее, стратегические меры, реализуемые во многих других странах с учетом данных исследования «Поколения и гендер», сосредоточены на содействии помощи семьям с учетом поддержки, оказываемой за рамками официальной экономики. Например, предыдущие исследования показали, что оказание поддержки членам семьи и друзьям существенно и серьезно сказывается на благополучии отдельных лиц, и по-

этому данная тема все чаще находит отражение в стратегических решениях европейских стран.

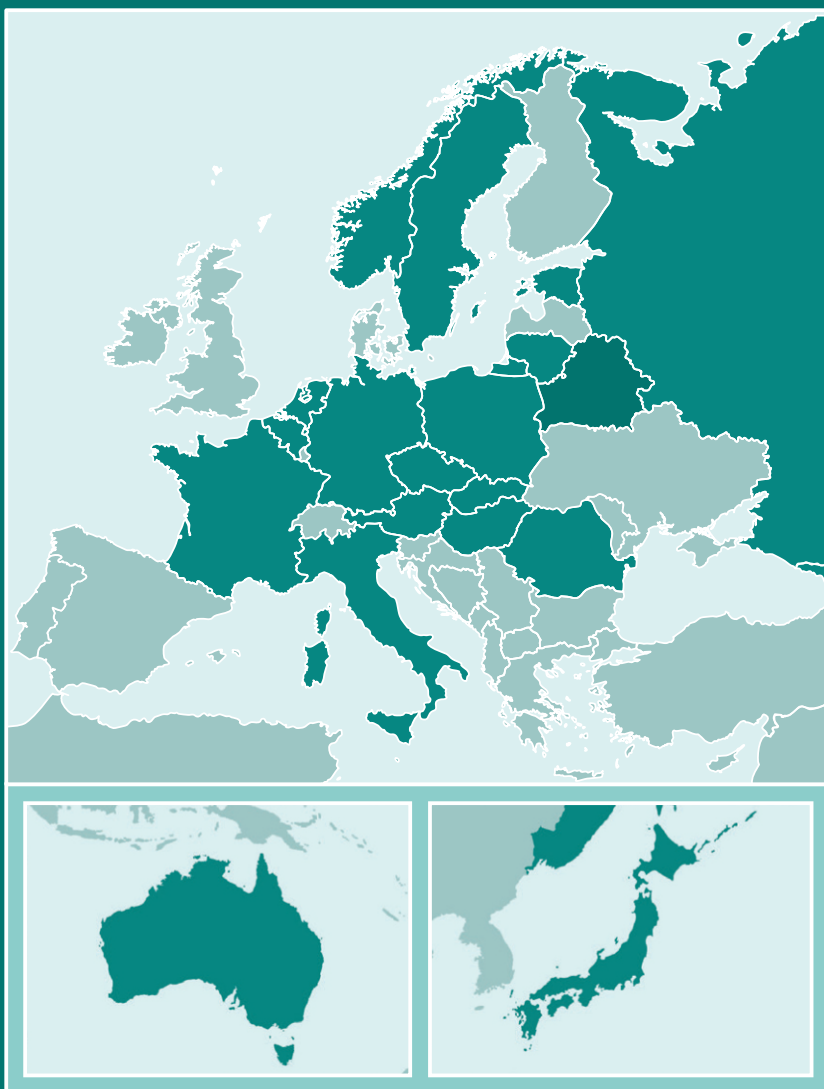
Третья сфера, где полученная информация может быть проанализирована более глубоко – это проведение сравнительных исследований в рамках программы «Поколения и гендер» совместно с другими странами. Сравнительный подход – содействует лучшему пониманию политических контекстов. Прежде чем следовать (или наоборот, не следовать) стратегическим подходам в международном контексте, исследователям необходимо подробно и глубоко проанализировать специфику ситуации в Беларуси. Соседи Беларуси (в частности, Литва, Польша, Россия) уже провели опрос по методологии программы «Поколения и гендер», а Грузия, Казахстан и Молдова планируют работу на местах. В том, что касается демографической политики, в данном регионе было выработано и реализовано много стратегических решений, нацеленных на достижение целей, разделяемых и Правительством Республики Беларусь. Исследование «Поколения и гендер» может помочь разобраться в том, следует ли адаптировать такие стратегические инициативы к белорусскому контексту, и если да, то как.

Наконец, наиболее важной сферой, в которой данные еще предстоит проанализировать – это лонгитюдный профиль исследования. Нынешний анализ данных был направлен на изучение намерений деторождения и создания семьи у тысяч людей. Проведя повторный опрос этих же лиц, можно почерпнуть колоссальные сведения о развитии ситуации в течение последующих 3-х лет. Такой лонгитюдный профиль исследования является исключительно эффективным, поскольку дает представление о том, что не может быть обнаружено с помощью статистических данных. Мы живем в беспокойные времена, и в ближайшие 3 года неизбежно произойдут социально-экономические и геополитические события, которые повлияют на жизнь людей на микроуровне. Вторая и третья волна исследования «Поколения и гендер» в Беларуси позволят понять, как люди приспосабливаются к таким изменениям и событиям, как их личные обстоятельства изменяются с ходом времени. Представленный анализ прекрасно отражает жизнь в Беларуси сегодня, но он ограничен в представлении этой картины в динамике. Лонгитюдные данные позволят проанализировать причины происходящего, а исследователи смогут перейти от описания ситуации к объяснению динамики семей и жизненного курса людей, проживающих в Беларуси.



Программа «Поколения и гендер» (ППГ) является инфраструктурой научных исследований в области социальных наук, предоставляющей данные микро- и макроуровня, что значительно расширяет базу знаний институтов, вырабатывающих стратегические решения в Европе и в других развитых странах.

ППГ представляет собой лонгитюдное социологическое исследование, нацеленное на углубление понимания факторов, влияющих на отношения как между родителями и детьми (поколения), так и между партнерами (гендер). Это исследование охватывает широкий круг тем, включая рождаемость, партнерство, переход к взрослой жизни, экономическую активность, обязанности по уходу и отношения.



К настоящему времени в исследовании приняли участие 25 стран.

В Беларуси исследование проведено в рамках проекта международной технической помощи «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь», финансируемого Правительством Российской Федерации, Фондом Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА) и Детским фондом Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ). Национальным исполнительным агентством проекта является Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. Опрос был проведен Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета в тесном контакте с координатором программы «Поколения и гендер» – Нидерландским междисциплинарным демографическим институтом – в мае–ноябре 2017 г. во всех регионах страны (56 городов, 40 сельских советов).

Адресная база была предоставлена Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь. База респондентов – 10 000 человек в возрасте от 18 до 79 лет. Впервые опрос проводился в режиме CAPI (автоматизированное персональное собеседование).